

КОСТЬЕР

5-6

мур

ЖУРНАЛ ЦИКЛЮКОМ 1944

пионер — юный ленинец

23 мая 1924 года — торжественный, знаменательный день в истории пионерского движения. В этот день пионерская организация приняла имя Ленина. В этот день на Красной площади в Москве юные пионеры дали торжественное обещание — клятву Родине, Советскому Союзу, товарищу Сталину — продолжать дело Ленина — Сталина, отдавать ему всю свою жизнь.

Двадцать лет прошло с тех пор. Те пионеры, что давали клятву, теперь взрослые люди. Они работают и защищают Родину так, как завещал Ленин, как учит Сталин. Пионерская организация воспитала таких замечательных людей, героев нашей страны, как Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Виктор Талалихин и Александр Покрышкин.

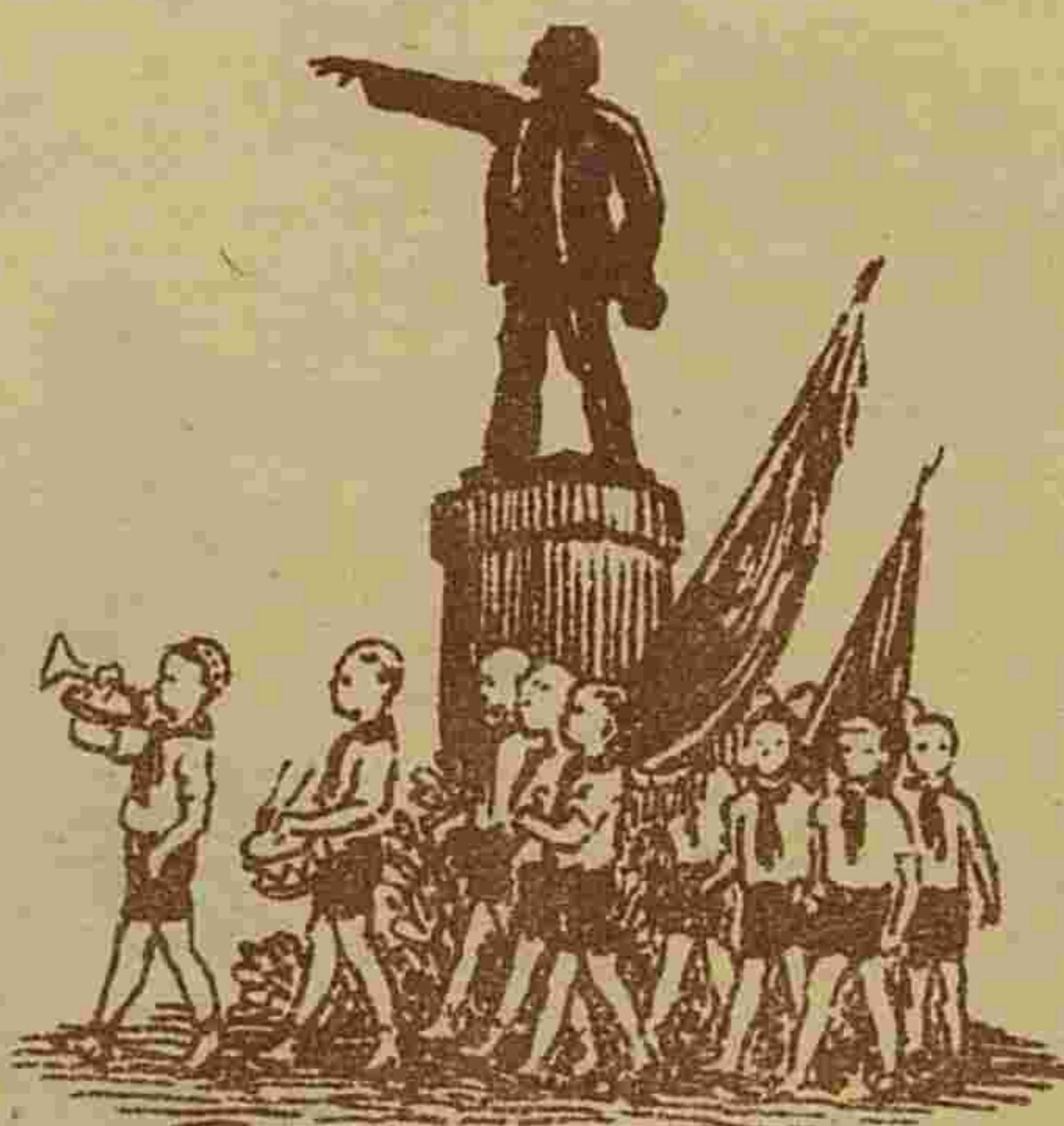
Как же выполняют свою клятву юного ленинца пионеры в дни Великой Отечественной войны?

Недавно был опубликован указ о награждении киевского пионера Кости Кравчука орденом Красного знамени. Косте Кравчуку было десять лет, когда в его родной Киев ворвались фашисты. Два раненых советских бойца, повстречавшиеся с Костей, узнав, что мальчик — пионер, передали ему два полковых знамени и наказали спрятать их и сохранить до прихода Красной Армии. Костя взял знамена. Два тягостных мучительных года немецкой оккупации мальчик прятал доверенные ему знамена. О своей тайне он никому не проговорился, никому — даже матери. А когда Киев стал снова советским, Костя возвратил знамена Красной Армии.

В селе Покровском почти два года хозяйничали немецкие захватчики. И все это время с фашистами боролся подпольный пионерский отряд: семь мальчиков и пять девочек.

В потайной пещере пионеры писали листовки и расклеивали их на селе. В своем убежище они укрывали комсомольцев, которых преследовали гитлеровцы, выхаживали раненых бойцов и командиров. Ребята похищали оружие у гитлеровцев и учились владеть им. Смелчаки не раз перерезали провода, чтобы нарушить связь между фашистскими частями. И все эти долгие месяцы немецкой неволи пионеры бережно хранили свои пионерские галстуки — эмблему своей пионерской чести, знак своей любви к Родине.

Вы все помните бессмертный подвиг героя Краснодона. Среди товарищей Олега Кошевого, когда они начинали свою дерзкую борьбу с фашистами, были не только комсомольцы, но и пионеры. Вот таких пионеров,

сачи) с полным

ленинцами.

В Ленинграде, в самые трудные месяцы блокады в одной из больших коммунальных квартир, где все взрослые умерли, осталась одна двенадцатилетняя девочка, а на ее руках — три малыша от трех до шести лет. Эта девочка заменила чужим ребятишкам мать. Она заботилась о них, обогревала комнату, где все они стали жить, ходила за хлебом и водой. Два месяца, самых тяжелых, девочка мужественно боролась за жизнь детей, оставшихся на ее попечении. Вот таких благородных, самоотверженных пионеров-тимуровцев, которые облегчают участ слабых и больных людей, которые заботятся о раненых бойцах, о семьях фронтовиков, называют юными ленинцами. А таких пионеров очень много. В одном Ленинграде работает сейчас больше ста тимуровских команд.

«Всегда готов!» — это девиз пионера. Это значит, что он готов быть полезным своей стране. Он готов работать там, где нужна его помощь, не гнушаясь никакой работой: дома, в школе, в госпитале, на полях и огородах. А работы очень много. Нам предстоит, например, огромная работа по восстановлению наших городов. Здесь для пионеров работы непочатый край: помочь восстановить свою школу, отремонтировать свой дом, насадить деревья в городских садах.

Стране нужно много, очень много образованных людей, опытных, умелых мастеров своего дела. Долг пионера — учиться, овладевать знаниями. Помните слова Ильича: «Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить только овладев всем современным знанием...»

Быть юным ленинцем это значит быть честным, правдивым и дисциплинированным пионером. В школе, в семье, на улице, в пионерклубе, в пионерлагерях, везде и всюду, пионер должен так вести себя, чтобы быть примером всем детям.

волю которых нельзя сломить, которых нельзя поработить ни угрозой, ни силой, ни казнями, мы называем истинными ленинцами.

В дни, когда Ленинград находился в осаде и фашисты бомбили его, Николай Смирнов — ученик одной из школ Октябрьского района, — был ранен на крыше осколками бомб. В это время загорелся чердак от сброшенной зажигалки, и Коля стал помогать бойцам группы самозащиты тушить пожар. Только когда опасность миновала, Коля Смирнов ушел перевязать рану. Вот таких стойких и мужественных пионеров (а это были не одиночки, а ты-

правом называют юными

29

ЧI

КОСТЁР

5—6

МАЙ—ИЮНЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦК ВЛКСМ ★ 1944 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

Ленинское знамя

С. Маршак

Выди стройными рядами,
Юных ленинцев отряд,
Получивший это знамя
Двадцать лет тому назад.

Час прошел военным играм,
Ты — в предгориях Карпат.
Из засады бьешь по „тиграм“
Меткой связкою гранат.

Свято выполнив присягу
Пионерскую свою,
Ты геройство и отвагу
Показал не раз в бою.

Краснощекий, смуглоногий,
Спой нам песню „По морям“,
Что певал ты по дороге
К пионерским лагерям.

Лет с тех пор прошло немало.
Двадцать раз менялся лист.
Ты подрос, наш запевала,
Барабанщик и горнист.

С песней ты идешь другою
И в другие лагеря,
И моря перед тобою —
Настоящие моря.

Ты по-юношески скромно,
Как приказывает долг,
Льешь снаряды, строишь домны
И ведешь в атаку полк.

В боевых приказах Сталин
Объявил про подвиг твой,
Лиза Чайкина, Чекалин,
Талалихин, Кошевой...

Под знаменами своими
Стройся, ленинцев отряд,
Заслуживший это имя
Двадцать лет тому назад.

Семнадцать

М. Прилежаева

Рисунки Н. Петровой

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Наташа никому, даже Жене, не говорила о задуманном. Она возвращалась домой из школы и сразу садилась за математику. Она открывала наудачу страницу и решала из старого несколько уравнений и геометрических задач, потом повторяла то, что объясняли в классе. Иногда она забиралась немного вперед. Когда мама возвращалась с работы, Наташа подсовывала ей учебник:

— Спрашивай!

Маме хотелось почитать. Но все же она бралась за учебник.

— В чем дело? Почему такая страсть к математике? — Наташа загадочно молчала.

... Захар Петрович, войдя в класс, прислонял к стене суковатую с набалдашником палку и пристально озирал учениц. На задних партах шелестели страницы. Захар Петрович высматривал девочку, нервно перелистывающую задачник, и приглашал к доске.

— Математика не терпит приблизительности, — рассуждал Захар Петрович, пока вызванная к доске ученица, кроша мел, старательно записывала условия задачи и на всякий случай держала в руке тряпку. — Положите тряпку на место. Постараемся обойтись без нее. Итак, математика требует точности. Многие из мальчиков это усвоили.

И вот однажды, выслушав привычное рассуждение, Наташа встала. Ее что-то подняло помимо воли. Она стояла и перепуганно смотрела на учителя.

— Я хочу, — сказала она наконец неестественным голосом, — я хочу, чтобы вы меня спросили и увидели, что я знаю все, не хуже ваших мальчиков.

— Ой, батюшки! — охнула Тася, искренне пожалев Наташу за ее безумный поступок.

Захар Петрович побарабанил пальцами по столу.

— Вот как! — сказал он и посмотрел в журнал. — Не верю. У вас двойки и тройки. Впрочем, пожалуйста.

Он сам вытер доску.

— А вдруг нарочно провалит, — подумала Наташа, — задаст, что не проходили.

Она искоса посмотрела на учителя. „Нет, — успокоилась она, — он не такой“.

С первым вопросом повезло, — решение могло быть только одно, и оно было ясно Наташе. Со вторым вопросом тоже повезло. Но когда повезло и в третий раз, Наташа развеселилась. Даже мел не дрожал в руке. Захар Петрович стал вдруг очень симпатичен. Хотелось, чтобы он давал труднее задачи и спрашивал весь час.

Захар Петрович сидел за столом, подперев подбородок рукой. Другой рукой он выстукивал дробь на обложке журнала.

— Так, так, так! — повторял он задумчиво. — Я думаю, сидит у меня Тихонова и ничего не понимает. А она взяла вдруг да все и поняла. — Досадно...

— Что досадно? — удивилась Наташа.

— Досадно, что никто, кроме вас, не рассердился. А в общем все же мальчишки в математике сильней.

Вывод был неожиданный, и Наташа возмутилась.

— Захар Петрович! Что же, вы считаете, что мы не перегоним, если захотим?

— Да ведь не захотите, — развел руками Захар Петрович. — Захотеть то уж очень трудно. Не на один ведь день.

— А вот и захотим! — воскликнула Наташа, приходя в задор, и сердясь и желая во что бы то ни стало доказать учителю, как он неправ. — Мы еще получше ваших мальчишек будем учиться!

— Кто это „мы“?

— Мы. Весь класс.

— Да ну? — Захар Петрович даже встал от изумления. — Вот уж это хватили через край. Признайтесь, что хватили!

— Ничего не хватила. Увидите, докажем!

Захар Петрович меланхолично махнул рукой.

— Нет, уж лучше не беритесь. Не осилите. Нет! — Потом он передумал. — А, впрочем, попробуйте.

Наташа все еще терла руки платком, хотя давно уже смахнула весь мел на платье. Валя Кесарева вытянулась в струнку, ошеломленная Наташиным успехом, а Люда Григорьева открывала и закрывала парту, изнемогая от желания вступить в спор, но так как против ее фамилии за последний ответ стояла двойка, она удерживалась от искушения. А Захар Петрович все обсуждал, стоит ли перегонять мальчиков по математике или не стоит.

— Нет, не осилите. Нет. Давайте уж потихоньку, да полегоньку. Без шума.

И как только Захара Петровича начинала терзать неуверенность, девочки хором принимались его убеждать в том, что математику они любят прямо-таки до невозможности и не могут больше терпеть, чтобы мальчишки лучше их учились.

После звонка Захар Петрович весело прошел в учительскую.

И тут же Тася напустилась на Наташу:

— Теперь он расскажет мальчишкам. Они нам проходу из-за тебя не дадут. — Скажут, вот воображалы, вздумали с нами тягаться. Получила пятерку и сидела бы тихо.

Валя Кесарева живо представила картину: она идет домой, беспечно размахивая портфелем, а в переулке поджидают толпа семиклассников из мужской школы. Семиклассники хохочут на весь переулок! — „Тоже выдумали по математике нас перегонять“.

— Даже обидно, — сказала она, — учишься, учишься, а из-за какой-нибудь лентяйки приходится страдать.

— Чем же ты из-за меня пострадала? — удивилась Тася.

Люда Григорьева взвизнула от удовольствия:

— Ага! Призналась, сама призналась, что лентяйка.

Тася спохватилась, но поздно.

— Ничего я не признавалась. Просто у меня к математике никаких способностей нет. У меня к французскому способности.

Она щелкнула запором портфеля и, подтанцовывая, попшла мимо парт.

— Ушла, и хорошо, — сказала Наташа. — Девочки, давайте разговаривать.

— О чём? — спросила Люда.

— Ну, вот о том, как мы теперь будем, — объяснила Наташа.

И всем было понятно, что быть, как раньше, больше нельзя. Девочки уселись на парты, поджав под себя ноги. Люда подперла кулаком подбородок и сладко вздохнула.

— Стал бы у нас самый замечательный класс. Все бы дружили! На собраниях бы нас хвалили. Вот бы здорово!

Но Вале Кесаревой не давала покоя математика.

— Девочки, если обещались Захару Петровичу, как же теперь быть?

Наташа вдруг заговорила счастливой скороговоркой:

— Я смогла? Смогла. Значит, все могут. А если кому трудно, — помочь, думаете, нельзя? Верно, Женя?

— Ве-ерно, — кивнула Женя.

На следующее утро Тася явилась в класс задолго до звонка. Свой школьный день она начала по обыкновению с того, что разложила на парте учебники, полюбовалась чистенькими обложками тетрадей, проверила, на месте ли промокашки, потом живо убрала все свои вещи и оставила на парте только бумажку, сложенную треугольником. Тася так была поглощена рассматриванием этой таинственной бумажки, что ни разу не обернулась по сторонам.

Люда не вытерпела. Она подошла неслышно и цапнула у Таси из-под руки загадочную бумажку. Но Тася даже не пошевелилась. Она отвернулась к окну и равнодушно запела: тра-ля-ля. Люда отскочила на всякий случай на середину класса и прочитала:

Вам бы языком болтать,
Да салфетки вышивать,
Да танцульки танцевать.
Где уж вам нас перегнать,
Теорему доказать
И уравнения решать.
Курице за танком не угнаться,
А девочкам с нами не сравняться.

Люда сразу утратила дар слова. Тася смотрела в окно и беспечно напевала свой незамысловатый мотив.

— Слушай, ты, — сказала наконец Люда, — птичка, певичка... Признайся, кто написал?

— Федька Рusanов написал. Тра-ля-ля.

— Откуда Федька узнал? Как он посмел?

— Так и посмел. Я рассказала, а он и написал. Он еще и не такое сочинит.

Чудовищная дерзость новоявленного поэта привела девочек в бурное негодование.

Классная руководительница Дарья Леонидовна, войдя в класс, заметила, как неохотно при ее появлении девочки разошлись по

местам. Кажется, она прервала их совещание на самом интересном месте.

— Нам нужно заниматься синтаксисом, — сказала она, — но, кажется, у вас что-то случилось.

— Конечно, случилось, — ответила Люда Григорьева и прочитала записку.

Дарья Леонидовна покраснела.

— Глупо, — сказала она, разволнившись, — удивительно, до чего глупо. Вы понимаете, конечно, девочки, Захар Петрович шутит с вами, когда говорит, что вы хуже мальчиков усваиваете математику. Ему хочется вас раззадорить. Однако, странно, кто принес эту записку?

Но, задав этот вопрос, Дарья Леонидовна не позволила никому ответить. — Нет, нет. Я не хочу о ней знать! Женя Спивак, если

... Тасю вполне устраивал неожиданный оборот событий. Раньше приходилось упрашивать брата, чтобы он объяснил или просто решил за нее непонятное уравнение. А он важничал или исчезал. Теперь, если во время объяснений учителя Тася нечаянно засматривалась в окно, после уроков она принималась тяжело вздыхать, и Наташа говорила: „Стонет, как будто у нее живот болит. Приходи сегодня в пять“.

Тася с облегченным сердцем убирала учебник и ровно в пять являлась к Наташе. Являлись и Люда Григорьева и Женя Спивак.

— Я очень хорошо могу понять и одна, — заявляла Люда Григорьева, — но вместе понимать веселее.

Девочки складывали портфели в ряд на крышку рояля и усаживались вокруг стола.

бы вам поручили передать такое письмо, что бы вы сделали?

Женя смутилась:

— Я, я... — сказала она, заикаясь, — я взя-ала бы и выбросила.

— Я бы тоже эту записку выбросила, — сказала Дарья Леонидовна. — Нужно уметь обидеться. Разве вы не понимаете, что такое честь класса?

— Понимаем, — ответили все хором. — Очень даже понимаем.

Дарья Леонидовна кивнула головой:

— Вот и хорошо. Люда Григорьева, разорвите записку.

Все наблюдали, как Люда разрывала на мелкие кусочки записку. А Дарья Леонидовна сказала:

— Теперь займемся синтаксисом. Придумайте фразу с придаточными предложениями.

Женя записала в тетрадке: „Я стала любить школу, потому что раньше интересное было только в книгах, а теперь и в классе тоже бывает интересно“.

Наташа затапливала железную печку. Чураки горели голубым пламенем, потрескивали и весело стреляли угольками. Иногда девочки приносили с собой картошку, варили ее и ели с солью.

С тех пор, как Тасины успехи и неуспехи стали обсуждаться целым классом, у Таси появилось новое отношение к себе и к своему положению в школе. Раньше нужно было хорошо учиться, потому что этого требовали учителя и мама. Тася считала, что если взрослые что-нибудь требуют, то это нужно для них, а не для нее.

Теперь того же самого от нее добивались подруги, а перед подругами Тасе было не приятно и стыдно притворяться равнодушной и глупой. Наоборот, ей все чаще хотелось сделаться такой же понятливой, как все.

Наташа составила на буфет немытую с утра посуду, и шаркнула тряпкой по столу.

— Садитесь, все готово, — сказала она. — Сегодня объясняет Женя.

Тася недовольно насупилась.

— Лучше бы уж у Захара Петровича понять, у Жени все равно не поймешь.

Женя качнула черными косичками: — Ну вот, что тут особенного? Сначала раскроем скобки. Что же ты не раскрываешь скобки?

— А зачем?

— Как зачем? Так надо. Раскрывай. Теперь в эту часть уравнения перенесем неизвестные. Ну, переносите. А теперь очень просто — приведение подобных членов. Смотрите, очень просто: $5x$ плюс $2x$...

Тася положила карандаш.

— Да что же это такое? Я даже и не слышала про приведение подобных членов.

— Как же ты не слышала? Захар Петрович объяснял.

— Да я не поняла...

— Как же ты не поняла?

Женя удивлялась. Ей было все ясно и казалось, что другим тоже должно быть ясно. Она решительно не умела объяснять.

— Давай попробую я, — вмешалась Наташа.

В это время пришла Валя Кесарева.

— Валечка пришла! — засуетилась Тася. — Вот уж лучше всех объяснит.

Валя была уверена, что Тася или Люда не могут понимать все так же хорошо, как она. Поэтому она втолковывала в их рассеянные головы алгебраические формулы до тех пор, пока благодарные ученицы не начинали молить о пощаде.

— Честное слово, я усвоила, прямо на всю жизнь усвоила, — уверяла Тася и, желая доставить удовольствие Вале, добавила: — Ты настоящая учительница и даже лучше.

Валя скромничала: — Уж и лучше...

— Ну, кончили, давайте посидим, — сказала Наташа. Она выключила свет, и девочки уселись в кружок у печки. Женя закрыла книжку и тоже опустилась с дивана на пол.

— Учимся, да учимся, — сказала Женя, — а ничего другого не делаем.

Тася возмутилась: — Вот так не делаем! А пол кто дома моет, кто обед готовит? Вон брату хорошо. А я только и слышу: — Тася, сварила суп? Тася, купила хлеб? А потом за двойки ругают.

— Я не об этом. Я о другом.

— О чем же ты?

— Не для себя делать. Важное бы что-нибудь. Особенное.

Все согласились, потому что в темноте у догорающей печки хотелось думать об особенном. Даже Тася не понимала, почему

ей тревожно, грустно немного и хорошо. Когда угли совсем покернели, девочки стали прощаться. Они решили думать до тех пор, пока не придумают, что можно делать важное и необыкновенное и такое, чтобы это было не для себя.

Едва за подругами захлопнулась дверь, как Наташа будто впервые увидела, что в комнате грязно и неуютно. На полу валяется сор, целая куча немытой посуды на буфете, а на крышке рояля свалка вещей.

В это время раздался звонок.

Наташа схватила грязные тарелки с буфета и кинулась в кухню:

— Мамочка! — крикнула она по дороге, — ложись скорее на диван и отвернись к стене. Я сейчас наведу порядок.

Мама остановилась у порога и ожидалась, когда вернется Наташа, чтобы обрушить на нее бурю негодования. Какая здесь грязь и беспорядок! На полу валялись бумажки и береста от дров. Она покачала головой и легла на диван.

Наташа вошла и виновато заулыбалась.

— Сейчас, сейчас. Я говорю, отвернись к стене. Досчитай до ста и сразу будет чисто.

— Когда ты приехала, — сказала мама, до грусти усталым голосом, — ты говорила, что хочешь помочь фронту.

— Да, — насторожилась Наташа, присев на корточки с веником в руках. — Ты сама велела учиться.

— Конечно, учиться. А тут вон паутина висит почти до самого стола.

— Мамочка! — взмолилась Наташа.

— Нет, ты дослушай. Если бы ты заботилась обо мне, я бы меньше уставала и еще больше для фронта делала, значит, и ты бы фронту помогала. Ты подумай.

Наташа, сердито сопя носом, принялась мести пол, а когда она кончила подметать, мама уже спала, положив голову на жесткий валик дивана, плотно сжав рот, около которого резко обозначились две усталые морщины.

Жалость и любовь насквозь пронзили Наташу. Она постояла над мамой, потом на цыпочках прошла к столу, села, запустила пальцы в волосы и в отчаянии потрясла головой.

— Вот это и есть особенное, — сказала она себе. — Заботиться о маме, потому что она работает для фронта и самая хорошая. Когда мама приходит с работы, чтобы было чисто, топилась печка и был горячий чай. С сегодняшнего вечера начнем.

Гайдар, угадавший Тимура

Лев Кассиль

„Мне хочется, чтобы в будущем писали про нас так: жили-де в то время такие умелые знающие люди, которые из военной хитрости прикинулись детскими писателями и помогали ребятам вырасти хорошими и храбрыми солдатами“, — так сказал за несколько лет до Великой отечественной войны Аркадий Петрович Гайдар — писатель и военный человек.

Гайдар (Голиков) родился в городе Арзамасе в 1904 году. Ему было десять лет, когда под рявканье военного оркестра и треск барабанов с маршевой ро-той ушел на фронт его отец, солдат. На всю жизнь запомнил Аркадий Гайдар бритую голову отца под серой папахой, тяжелые, кованые железом сапоги пехотинца, истощный плач сестренки, вокзал, пропахший нефтью, карболкой и антоновскими яблоками.

Через четыре года империалистическая война закончилась. Над нашей землей утвердилось красное октябрьское знамя. В эти дни четырнадцатилетний Аркадий Голиков решил сам сражаться за лучшую долю, за счастье, за братство народов, за советскую власть.

Широкоплечий, не по годам рослый, он сказался шестнадцатилетним и ушел в Красную Армию. Он побывал на фронтах: петлюровском, польском, кавказском, внутреннем, участвовал в подавлении антоновщины, сражался близ границы Монголии.

„Что я видел, — писал он впоследствии, — скоро всего не перескажешь. Но самое главное, что я запомнил, — это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагу, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия“.

Шесть лет пробыл будущий писатель Гайдар, Аркадий Голиков, в Красной Армии. Он был командиром батальона, командиром сводного отряда, затем командовал полком.

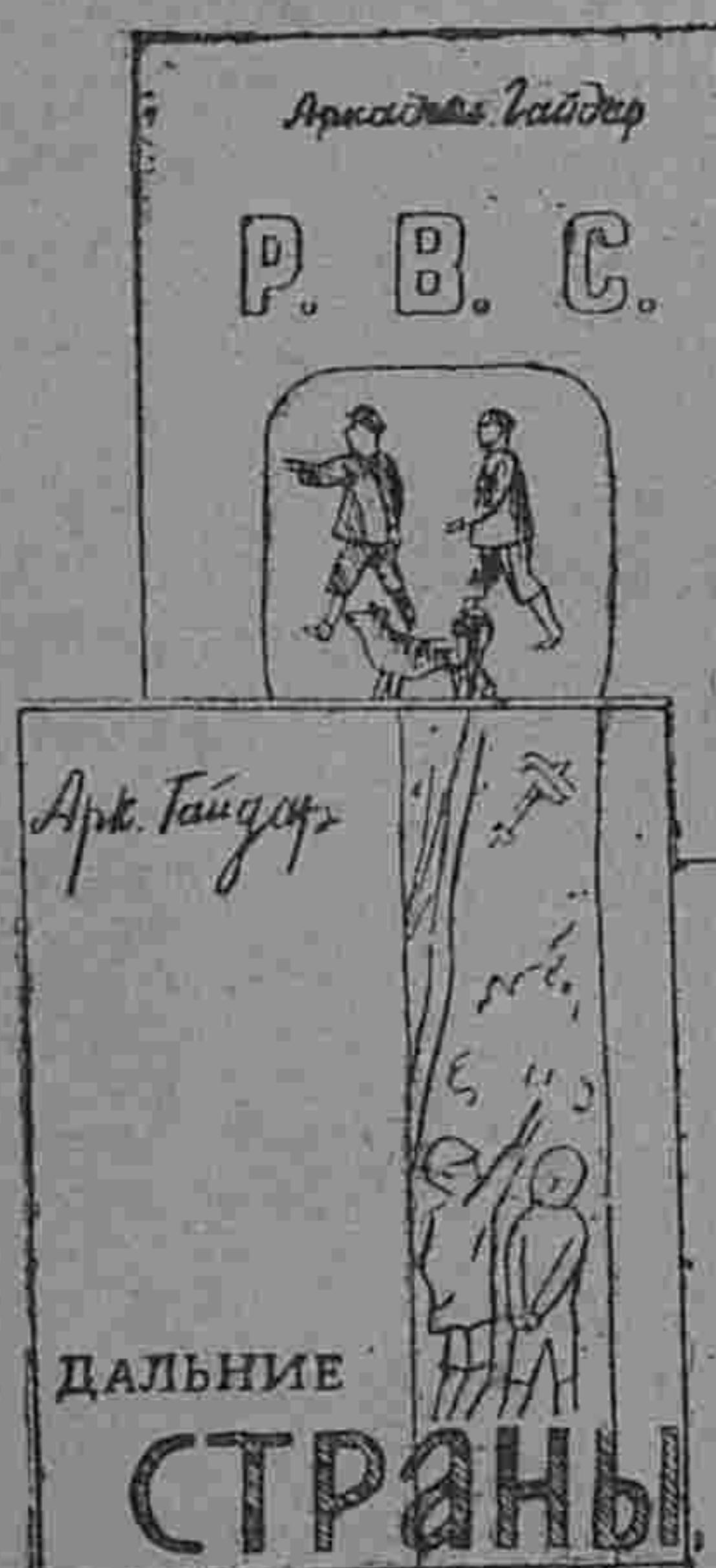
„Я был тогда очень молод, — признался впоследствии Гайдар, — командовал, конечно не как Чапаев. И то у меня не так, и это не эдак. Частенько я оступался, срывался, и тогда меня жестоко за это свои же обрывали и одергивали. Но все это пошло мне только на пользу“.

Он полюбил Красную Армию, сроднился с военной семьей и думал остаться в ней на всю жизнь. Но в 1923 году Гайдар серьезно заболел, — сказалась старая контузия головы. В апреле 1924 года, когда Гайдару исполнилось двадцать лет, он был зачислен в запас.

„Теперь я стал писать, — рассказывает об этом периоде сам Гайдар, — вероятно потому, что в армии я был еще мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девочонкам, какая это была жизнь, как оно все начиналось, да как продолжалось, потому что повидать я успел все же немало“.

Так была написана одна из лучших детских книг „Школа“. Это автобиографическая повесть о суровой школе, через которую прошло молодое поколение революции, „о горячем грозном ветре времени“, об „отцах и детях“. В главном герое „Школы“, от имени которого ведется повествование, в Бориске Горикове — солдатском сыне — мы узнаем самого Аркадия Гайдара.

Книга сразу стала одной из любимейших в детских библиотеках. Она переиздавалась множество раз и последнее ее издание

печаталось, когда уже гремели пушки 1941 года и многие из первых читателей Гайдара сами пошли воевать.

Его книги, как „РВС“, „Школа“, „Дальние страны“ „Военная тайна“, „Голубая чашка“, „Судьба барабанщика“ и, наконец, завоевавшая громкую заслуженную славу „Тимур и его команда“, всегда будут любимым чтением школьников.

Гайдар умел говорить с молодым читателем честно, прямодушно. Он смело указывал на „самое главное“ в жизни, он рассказывал в своих книгах о трудных сторонах ее.

Широкую и большую славу, раскатившуюся за пределы нашей страны, принесла Гайдару книга „Тимур и его команда“.

Маленький патриот, пионер Тимур, придумал, как ребята могут помогать Красной Армии, заботясь о семьях тех, кто защищает свою страну. Смелый, отзывчивый, решительный, благородный, неугомонный и хитроумный — таков Тимур Гайдара. Ему подражают тысячи и тысячи советских школьников.

Книга Гайдара стала не только любимейшей книгой советской детворы, — она добилась судьбы, которой еще не знала до нее ни одна детская книга. По ребячесму почину создалось широкое повсеместное благородное движение тимуровцев.

Гайдар создал своего Тимура незадолго до войны. Писатель указал ребятам простой и добрый путь, идя по которому маленькие патриоты смогли доказать на деле свою искреннюю любовь к Красной Армии.

В будущих летописях Великой отечественной войны не раз будет упоминаться слово „тимуровец“. Это слово сохранится в истории.

И потому имя Гайдара вечно будет жить в благодарной памяти каждого, кто в будущем задумается о днях, переживаемых ныне нашей страной. Мы не забудем Гайдара —

писателя и военного человека, павшего смертью храбрых. Аркадий Гайдар погиб на Украине в 1941 году. Он был в это время военным корреспондентом „Комсомольской Правды“.

Вот что сообщил жене писателя лейтенант С. Абрамов из партизанского отряда, действовавшего в тылу врага.

„Я пишу это письмо и не знаю, попадет ли оно вам в руки, потому что отправляю не совсем обычной почтой. Выполняя просьбу вашего мужа — Гайдара, Аркадия Петровича, сообщаю вам, что он погиб от рук фашистских варваров 26 октября 1941 года.

„Аркадий Петрович последнее время был корреспондентом юго-западного фронта. До последнего времени он был в Киеве. Когда образовалось окружение, то Гайдару предложили вылететь на самолете, но он отказался и остался в окружении, с армией. Когда часть армии была разбита, то мы, выходя из окружения, остались в партизанском отряде...

„И однажды мы ходили по продукты на базу и нарвались на немецкую засаду, где и был убит товарищ Гайдар Аркадий Петрович.

„Его могила находится... (следует точное указание места, где похоронен Аркадий Петрович Гайдар).

„Я кончу писать, мне трудно теперь вспоминать то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича. Он всегда храбро дрался и героически погиб“.

Когда мы разыщем могилу Гайдара, — советский народ поставит памятник замечательному писателю, военному человеку Аркадию Петровичу Гайдару.

Я уже сейчас вижу этот памятник под зелеными деревьями — крепкий, легконогий паренек в пионерском галстуке, с лицом внимательным и смелым — Тимур, угаданный Гайдаром.

ШЕФЫ

Я. Тайц

Сегодня в палату веселой гурьбой
Из детского сада пришли ребяташки.
Цветы нам суют, и конверты, и книжки,
И мыло, и даже... кисеты с махрой.

Потом объявили торжественно нам:
„Над вашей палатой мы шефствовать будем!“
И стали солидно, как взрослые люди,
Беседу с бойцами вести по душам:

„Как ваше здоровье? А где ваш халат?
Хотите, мы новую пляску покажем?
Хотите, хорошую сказку расскажем,
Смешную-смешную, про трех поросят?“

Бойцы обнимают веселых гостей,
Бойцы улыбаются шустрым ребятам:
„Товарищи-шефы, садись на кровати
И сказку и пляску даешь поскорей!

За вас, белобрысых, курносых птенцов,
За вас уважаемых шефов вихрастых,
За ваше нехитрое детское счастье
Мы шли под огнем на жестоких врагов.

Чтоб вольно росли вы на вольной земле,
Товарищи-шефы из детского сада,
Идут на врага боевые отряды
И夜里 не спит Полководец в Кремле“.

ВСТРЕЧА НА МОСТУ

(из книги „повесть моей жизни“)

Вс. Рождественский

Осень 1918 года была мутной и холодной. Летний сад осыпал последние ржавые листья. Дул влажный ветер с залива, и Нева, нехотя набухая, тяжело переваливала гривастые волны. Мы идем через Троицкий мост к Марсову полю, идем молча, с трудом преодолевая бьющую нам в лицо колкую изморозь. Алексей Максимович поднял воротник пальто, низко нахлобучил шляпу. Я едва поспеваю за его широкими шагами.

Навстречу нам по горбизне моста поднимается взвод красноармейцев. Редкие прохожие смотрят на него с нескрываемым любопытством.

Это один из первых отрядов молодой тогда Красной Армии. Ладно скроенные шинели, четкий шаг, шапки с большой кумачовой звездой еще внове на улицах города. Алексей Максимович хочет что-то сказать, но я делаю ему предостерегающий знак рукой (дома им дано торжественное обещание не раскрывать рта на ветру, чтобы не схватить губительной для его легких простуды). Он хитро, едва уловимо, улыбается одними глазами.

Красноармейцы подходят все ближе и ближе. Когда их первый ряд равняется с Горьким, он вдруг останавливается, вытягивается во весь рост и быстрым, точным, непередаваемо изящным движением подносит сухие длинные пальцы к широким полям своей старомодной шляпы. Это — знак военного приветствия.

Кое-кто из проходящих недоуменно оглядывает с головы до ног его странную, необычную фигуру; некоторые готовы рассмеяться. Но командир взвода — плотный скуластый парень — серьезно, сосредоточенно сам берет под козырек, ничуть не удивляясь приветствуя странного худощавого старика в старомодной черной одежде. Он, конечно, не знает, что перед ним Максим Горький, но ему понятен непосредственный порыв этого уже немолодого человека, похожего на доктора или чудака-ученого, с юношеской восторженностью встречающего проходящую воинскую часть. Красноармейцы „дают ногу“, и весь взвод проходит мимо Горького словно на параде. Алексей Максимович снимает шляпу, поворачивается им вслед и долго смотрит на удаляющиеся последние ряды. Ветер путает его волосы, треплет концы развивающегося серого шарфа, а он все стоит, молча и сосредоточенно. Теплая улыбка блуждает где-то в кончиках его насупленных усов.

★

ЖАРКАЯ РАБОТА

(РАССКАЗ В. ГОТИЦЫНА—ДИРЕКТОРА АСФАЛЬТО-БЕТОННОГО ЗАВОДА)

Во время блокады немцы остервенело били по городу. Угодит снаряд в трамвайные пути где-нибудь на Невском или на Лесном,—и движение многих маршрутов сразу нарушается.

Почему, например, немцы так упорно стреляли по Литейному мосту? Потому, что этот мост—важная военная магистраль.

Чинили мы мосты немедленно. Иной раз бригада наших рабочих заделывает одну пробоину, а рядом уже рвется другой снаряд. Укрыться на мосту негде, но люди не уходят, работают...

Проходит полчаса, час—и на месте недавнего разрыва темнеет наша заплата. Проезд восстановлен. А немец опять, и опять снаряды кладет. И мы снова работаем и чиним, чиним! Тысячи заплат на мостовых понаставили. Зато ни разу по нашей вине проезд не приостанавливался.

Теперь мы покончили со штопкой. Теперь будем работать так, как работали раньше. Снова будут мостовые ровные, гладкие, красивые,—как до войны.

Я не буду рассказывать, как постепенно рождается вся мостовая наших улиц. В глубине ее прокладывают канализационные трубы, электрические кабели—все сложное подземное хозяйство. Ведают этим другие специалисты, а нам, дорожникам-асфальтовщикам, важно, чтобы они свое дело хорошо делали.

И вот почему. Если обвалится где-то на глубине земля,—покоробится и наша асфальтовая одежда; так мы, дорожники, называем асфальтовый покров мостовой, а там, глядишь, трещина появилась, а в нее вода просочится. Вода—враг асфальта. Раз вода попала, то весной, когда снег и лед стают, асфальт обязательно начнет крошиться, обламываться. Дыра на асфальте под колесами автомобилей скоро превратится в выбоину, в яму.

Каждому знаком асфальт. Но не всякий знает, что асфальт—это раздробленный камень и песок, пропитанные маслянистым веществом,—битумом. Битум сродни дегту. Холодный—он твердый, а подогреть—и он станет жидким, текучим. В этом весь секрет нашей работы.

Из щебня, песка, каменной пыли и горячего битума мы получаем асфальтовую массу. Застынет она, затвердеет (по нашему „схватит“)—и склеются все каменные частицы. Так плотно склеются, что влагу не пропустят, спружинят, но не сломаются при ударе, давлении. Это и есть асфальт наших мостовых.

Бывает природный асфальт, находят целые месторождения камня, пропитанного битумом, но встречается он редко. Мы же приготовляем асфальтовую массу сами, на заводе. Иногда делаем ее пожестче,—если по асфальту много тяжелых машин будет ездить, иногда помягче, например, для тротуара.

Кажется, так просто приготовить асфальтовую массу: подогрел, смешал—и готово. Но у нас есть свои тайны. Возьмем слишком много крупных каменных частиц,—в асфальте останется много незаполненных пор (пустот), и асфальт быстро начнет выкрашиваться. Слишком мелко размолот щебень,—прочности одежды не будет. Смешаешь влажный камень и песок с битумом,—не склеются частицы. Перегрел битум,—опять не ладно,—битум потерял способность склеивать.

Вот поэтому у нас есть точные рецепты, как какой асфальт готовить. Но рецепты особенные,—не на граммы, а на тонны рассчитанные. Ведь нам, чтобы покрыть асфальтом квадратный километр мостовой, надо не мало, не много, а двести тонн асфальтовой массы.

Понятно, что приготовить такое количество массы под силу только машине. И такая машина—смеситель—есть у нас. Размером она с трехэтажный дом, а в ней как бы собраны несколько цехов: в один—каменный материал загружают, чтобы он просушился, в другом—битум разогревают, в третьем—битум вместе с каменными частицами перемешивается.

Смеситель—умная, сложная машина. Все как бы сама делает. Как бы... но при условии, что ею внимательные, толковые люди управляют. Попробуй зазеваться рабочий и мотор не в той последовательности включить: перегорит мотор, остановится смеситель, и такое получится, что потом неделю будем очищать и прогревать факелами трубы смесителя.

Когда мы улицы во время блокады штопали, нам обычно немного асфальтовой массы требовалось. В грузовичок-цистерну, на которой выезжали наши аварийные бригады, умещалось несколько хороших порций. А когда мы в 1938 году Невский асфальтом покрывали, нам приходилось день и ночь работать. И на заводе и на линии, даже при свете прожекторов. Днем и ночью, но не в дождь.

В дождь нам работать нельзя: попадет вода—и битум не схватит. В Ленинграде климат не слишком сухой. Работаем мы весной, летом, осенью. Иной раз день, два ждешь погоды, на небо, на барометр поглядываешь. Разными делами людей занимаешь: камень дробят, известковую крошку на муку в шаровой мельнице перемалывают, а солнца нет как нет.

Но вот показалось солнце, рассеялись тучи. Наступает для нас жаркая пора. Надо воспользоваться каждым днем, каждым часом.

Работу дорожника-асфальтовщика можно назвать жаркой и в другом смысле слова. Асфальтовую массу привозят к месту работы разогретой до 175°. Уложить, разровнять, уплотнить ее нужно в те считанные часы, пока масса не остыла.

Рабочие не мешкают. Еще сбрасывают с грузовика маслянистую черную кашу, похожую на грязь, а рядом ее уже лопатами разравнивают. За лопатчиком грабельщик идет, укладывает массу тонким ровным слоем в четыре—пять сантиметров. Грабельщику нужен изощренный глазомер, я бы сказал, особое чутье в руках, чтобы сохранить одну и ту же толщину слоя. Даётся это не сразу. Но есть у нас мастера своего дела. Производитель работ Лебедев много лет работал сам грабельщиком, многих молодых рабочих обучил. Стоит он и смотрит за работой. То к одному грабельщику подойдет, то к другому. „Подбрось здесь“,—скажет,—или „тут убери“. А то и сам прошлое вспомнит, за грабли возьмется. Проверьте его работу нивелиром. Точно по ниточке все выведено. А это очень важно, ведь мы укладываем два слоя асфальта: верхний и нижний и, если не будет точности,—ничего хорошего не получится. Машины, проезжая по буграм и впадинам, своими толчками будут неравномерно стирать одежду.

За грабельщиком следом идет машина, неуклюжая, на трактор похожая,—каток. Громко тарахтит, а ползет как черепаха. Это как бы утюг уличной

одежды. Но обычно гладят горячим утюгом. А наш дорожный утюг холодный, потому что гладят им одежду, от которой пышет жаром.

Медленно, не быстрее пешехода, плавно, без единого рывка движется каток. Он без конца утюжит каменную одежду так, чтобы ни одной морщинки, складочки, бугорка на ней не осталось. Его огромные из литой стали жернова - колеса своей тяжестью в двенадцать тонн сжимают, уплотняют асфальт, чтобы в нем ни одной, даже крохотной пустоты не оказалось.

Машинист — водитель катка — моторист-механик всегда человек высокой квалификации. Правда, посторонний человек не сразу оценит его мастерство. Движется каток медленно, — что тут особенного? А вот что: надо уметь медленно, не дергая, вести машину, чтобы не сдвинуть пласт еще не остывшего асфальта. Опытный машинист умеет так отрегулировать свою машину, что она слушается своего водителя безотказно.

Раз тридцать проходит каток по своему участку. А потом дорога готова — могут ехать машины.

Неуклюй каток — неженка. Если к месту работы надо ехать по улицам, мощенным камнем, он ни

за что не поедет. Ведь на его литых жерновах могут появиться царапины! По булыжнику каток перевозят к месту работы на особой платформе. Приставят к платформе — грузовику сходни, каток забирается по ним на платформу и едет себе пассажиром.

Прошлым летом 1943 года мы, кроме заплат, еще и новые мостовые делали на Суворовском проспекте. А нынче нам большая работа предстоит на многих улицах Ленинграда: на Рыбацкой, на ул. Герцена, на набережной Красного флота и других.

Мы будем восстанавливать одежду наших ленинградских улиц. Мы будем работать в полную силу. На линию наших работ пойдут не грузовички-цистерны, а пятитонные самосвалы. Выйдут бригады рабочих-дорожников вместе со своими мощными катками. Мы, как и прежде, примемся за свою работу, которую с полным правом называют жаркой. За зиму мы заготовили на заводе все нужные нам материалы, чтобы никакой заминки не было.

Записала Н. Владимирская.

ПРО НАШУ СИЛУ

(отрывок из второй были для детей)

Дни бегут, идут недели,
И войне четвертый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.

Посмотри по школьной карте,
Где мы были в феврале?
Сколько верст прошли мы в марте
По родной своей земле?

Здесь в апреле мы стояли.
Здесь войска встречали май,
Тут мы столько пленных взяли,
Что, попробуй, подсчитай!

Слава нашим генералам,
Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым —
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закаленным!
Слава павшим и живым, —
От души спасибо им!

Но на фронте каждый знает —
И солдат и генерал:
Батарея не стреляет
Без того, что шлет Урал.

И не тронутся машины
В грозном танковом полку,
Если в баках нет бензина
Из далекого Баку.

Нужно каждого солдата
Снарядить не как-нибудь, —
Нужно каждого солдата
Накормить, одеть, обуть,

Чтоб всего ёму хватило:
Вволю хлеба, вволю сала,
Вволю сена для коня
И патронов для огня.

Если новый город взяли,
Если в честь его салют,
Это значит — на Урале
Хорошо дела идут.

И поэтому недаром
Люди фронта говорят:
„Эх, спасибо сталеварам!
Чудеса в тылу творят“.

* * *

Да!
Нельзя добить фашистов
И очистить мир от них
Без московских трактористов,
Без ивановских ткачих,

Без того, кто днем и ночью,
Вот уже который год,
Сеет хлеб, снаряды точит,
В шахтах уголь достает.

Кличет фронт: „Еще давайте!“
Отвечает тыл: „Даем!“
Клич из тыла: „Добивайте!“
Отвечает фронт: „Добьем!“

Ни для фронта, ни для тыла
В битвах с немцем нет преград,
Будет Гитлеру могила!..

* * *

Эту быль про нашу силу
Написал я для ребят.

Сергей Михалков

КАК БОМБЯТ ГЕРМАНИЮ

А. Антрушин

Днем и ночью в небе Германии гудят самолеты наших союзников. Ежедневно, круглые сутки на города и заводы Германии падают бомбы. На рассвете, в предутреннем тумане, вылетают легкие бомбардировщики, «Хэвок», «Москито» в сопровождении истребителей - бомбардировщиков «Харрикейн», «Спитфайер», «Мустанг». Они бомбят немецкие военные объекты с бреющего полета, с высоты в тридцать — сорок метров. В это время сбрасываются бомбы замедленного действия, чтобы при взрыве не пострадали сами самолеты.

При бреющем полете не существует плохой нелетной погоды. Не мешают даже туман и дождь. А сбить мелькающий над головой сверхбыстроходный самолет очень трудно и зениткой и пулеметом. Представьте себе мишень, пересекающую поперек самой широкой улицы в четверть секунды!

С восхода солнца и до полудня на «работу» поднимаются двухмоторные средние бомбардировщики «Мэредор», «Митчелл», «Веллингтон». Они держатся на такой средней высоте, на которой огонь легких зенитных пушек уже теряет свою силу, а снаряды тяжелых — рвутся выше. Эти самолеты бомбят более крупные объекты. Иногда они только отвлекают истребительную авиацию врага на себя — с тем, чтобы облегчить действия тяжелых бомбардировщиков.

После полудня следуют мощные удары высотных американских «летающих крепостей», «Либерейтеров», «Бостонов». Мощность машин этих самолетов составляет шесть тысяч лошадиных сил.

На этой схеме показаны силуэты разных боевых самолетов союзников, и приблизительная высота, с которой они бомбят вражеские объекты.

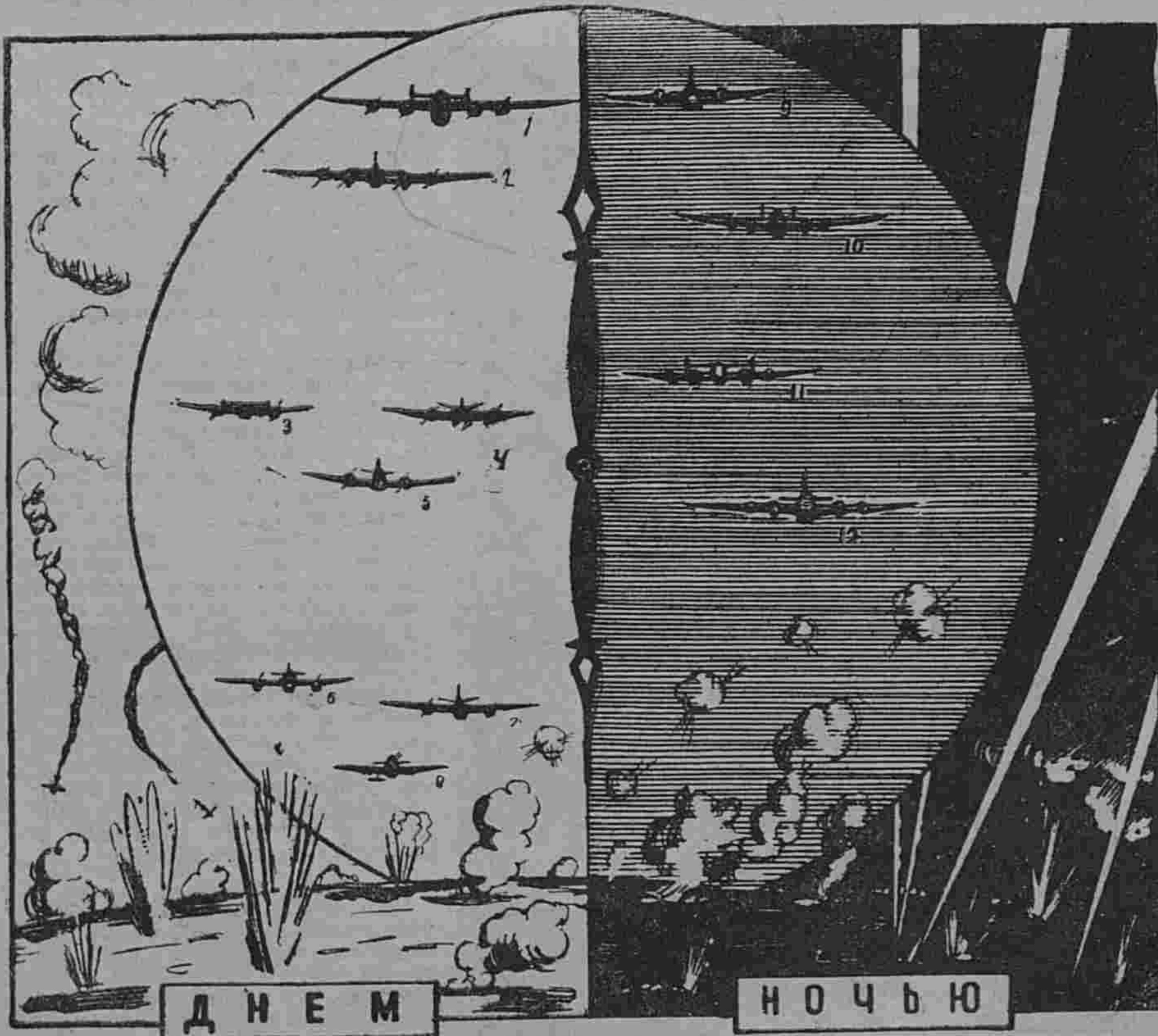
В хорошую ясную погоду союзные самолеты бомбят немцев с огромной высоты в семь—девять тысяч метров. Зенитный огонь фашистов почти не достает этих воздушных гигантов. Не всегда решаются атаковать их «Мессершмиты» и «Фокке-Вульфы». Ведь каждый отлично забронированный бомбардировщик вооружен дюжиной пушек и пулеметов!

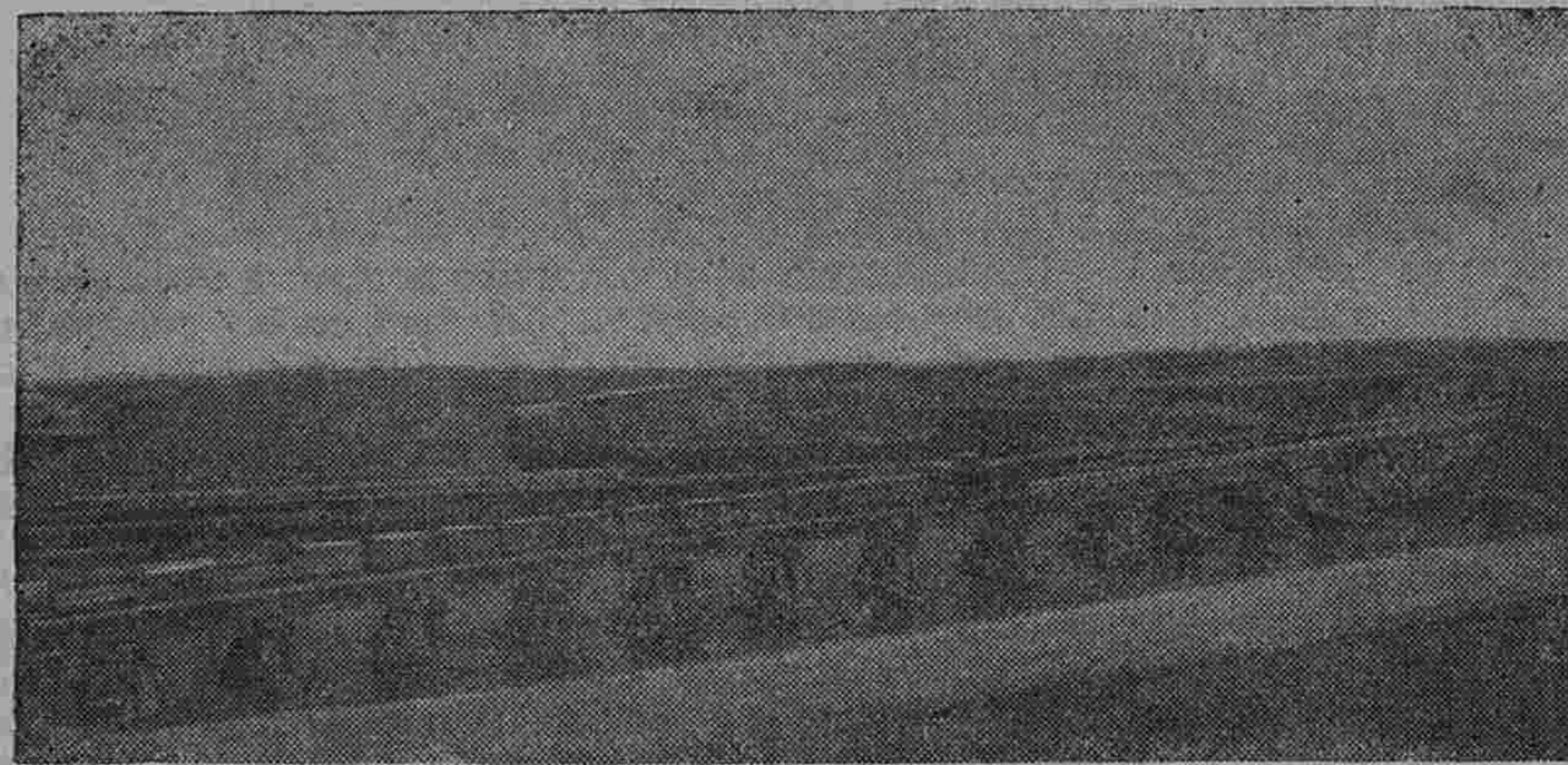
Ночью над Германией появляются тяжелые английские «Ланкастеры», «Стирлинги», «Галифаксы» в сопровождении стай истребителей. Каждый из этих самолетов несет бомбы общим весом до восьми тонн. Одна мина в четыре тонны весом, сброшенная с самолета, сметает целый городской квартал.

При одном из самых разрушительных налетов — «всесокрушающей бомбардировке» Кёльна — английские самолеты проходили над городом волнами через каждые шесть секунд в течение полутора часов. За девяносто минут они «перепахали» четыре миллиона квадратных метров городской площади!

«Всесокрушающие бомбардировки» требуют сложной и точной подготовки. Помимо огромного количества бомбардировщиков в налете всегда участвуют и сотниочных истребителей. Они уничтожают истребителей противника и выводят из строя фашистские аэродромы на пути следования союзного воздушного флота.

Движение тысячной массы самолетов в воздухе очень сложно. Миллионная армия обслуживающего персонала работает круглые сутки, приводя в действие эту гигантскую воздушную машину войны.

„ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА“

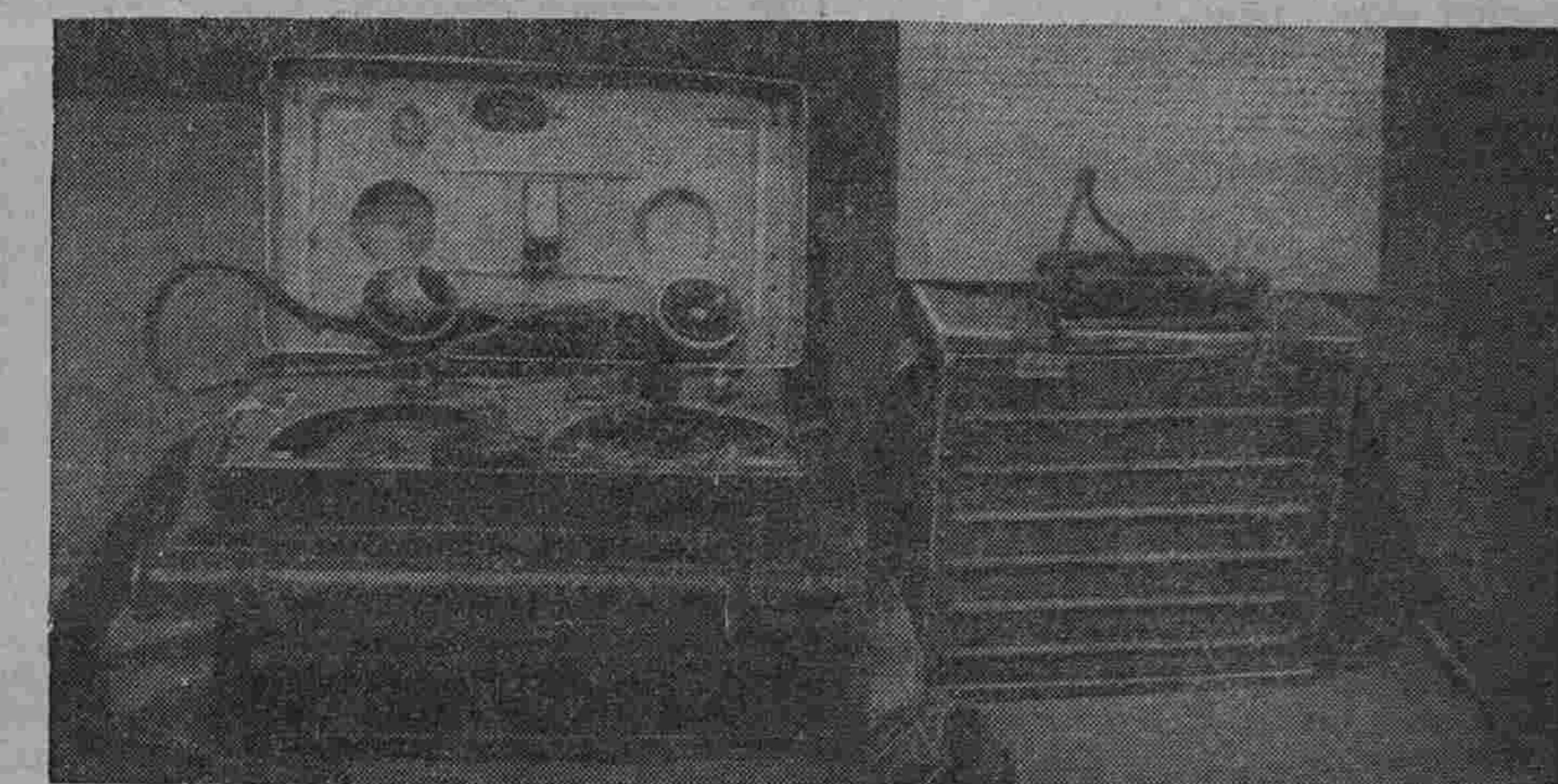
Эту выставку начали устраивать еще в дни, когда немецкие снаряды рвались на улицах Ленинграда, а некоторые из будущих экспонатов этой выставки еще были на вооружении фашистской армии и вели огонь по нашему городу.

Сейчас в огромных залах Союзного городка на Фонтанке собрано более десяти тысяч экспонатов, начиная от ста двадцати пяти-граммового кусочка хлеба — лайка, который получали ленинградцы в декабре 1941 года, и ончая знаменитым самолетом „ИЛ 2“. Этот самолет с бортовым номером „14“ участвовал в двухстах тридцати трех жарких боевых схватках с врагом на ленинградском фронте с 7 сентября 1941 г. по 17 февраля 1944 года. В воздушных сражениях он получил свыше двух тысяч пробоин.

Боевая деятельность войск Ленфронта, славные подвиги моряков Балтики и воинов ленинградского неба — летчиков, трудовой геройзм граждан Ленинграда их жизнь и быт в осажденном городе, „Дорога жизни“ — ледовая ладожская трасса, борьба партизан с фашистскими захватчиками — вот главные разделы этой выставки, наглядно рассказывающие о том, что с краткой воинской суворостью называется: „двадцать девять месяцев обороны Ленинграда“.

...12.00 час. 12 января 1943 года Войска ленинградского фронта форсируют реку Нева под Шлиссельбургом. Офицеры, красноармейцы, моряки в белых масхалатах бегут по невскому льду на штурм левого берега, занятого немцами. Наши пушки с правого берега шлют снаряды на немецкие укрепления. Наши самолеты летят туда, где занялись в земле фашисты...

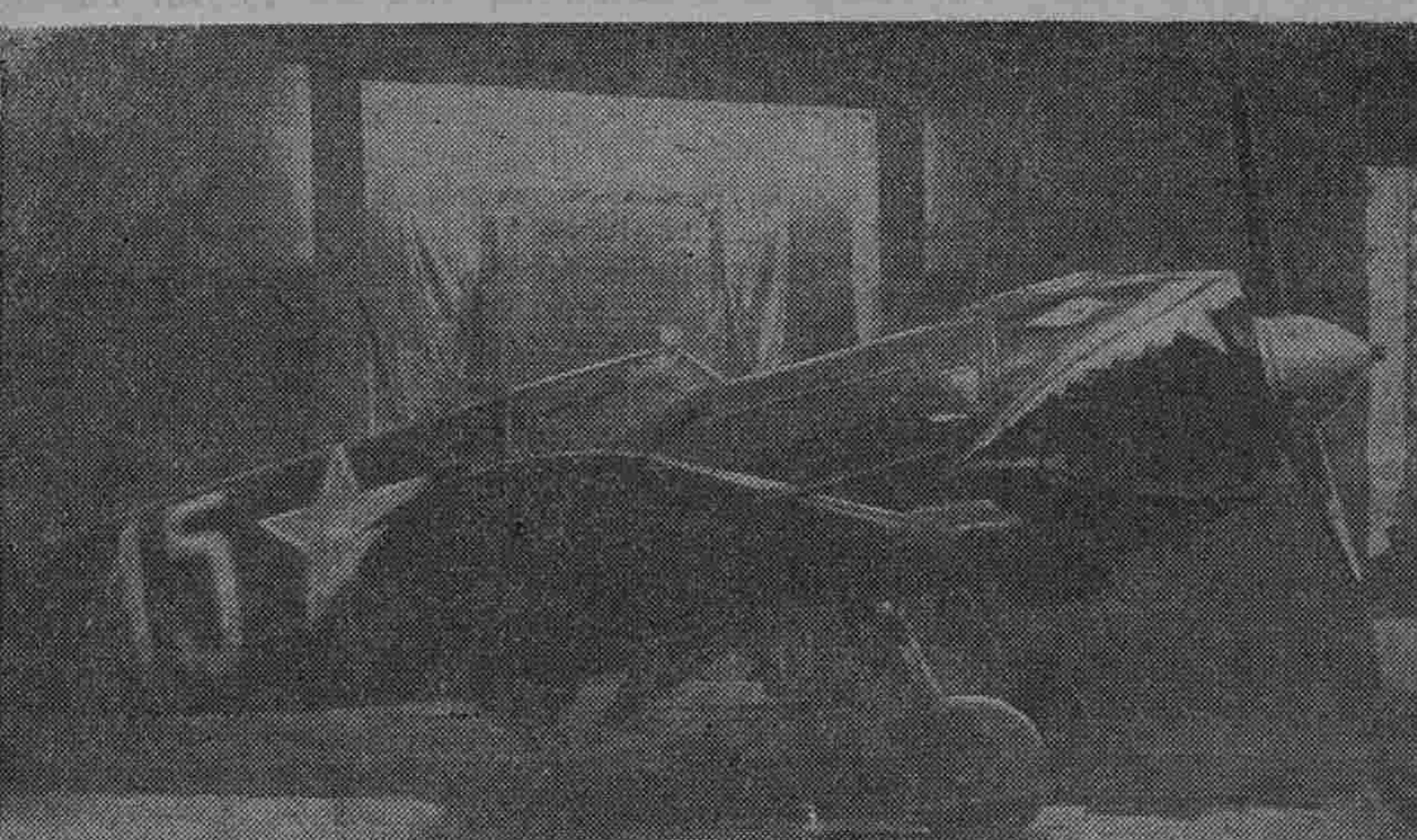
Чтобы подробно рассмотреть эту картину боя и понять его грандиозность, нужно внимательно присмотреться к огромному макету „Прорыв блокады“, который стоит на выставке. Над ним работали художники, инженеры, военные специалисты. Для макета было изготовлено около четырех половины тысяч разных фигурок людей и моделей вооружения. Фигурки людей отливались в специальных гипсовых формочках. Мы рекомендуем всем нашим читателям, интересующимся военными играми, познакомиться с этим макетом и у себя в школе или в пионерском отряде за-

Взрыв немецкого эшелона партизанами. (Панорама — спра-ва, вверху.)

Радиостанция сержанта Спринцона. В августе 1942 года в операциях при Усть-Тосно четверо наших бойцов, во главе с сержантом Спринцоном, переправились на левый берег Невы, занятый немцами, и корректировали оттуда по радио огонь нашей артиллери. Радисты были окружены немцами. Четверо суток расчет Спринцона отбивался от фашистов, не переставая направлять огонь нашей артиллерии. Двое из расчета погибли смертью храбрых, а Спринцион и еще один боец вернулись в свою часть вместе со своей походной радиостанцией. Справа, посередине.)

В ночь на 9 ноября 1941 года во время налета немецкой авиации на Ленинград летчик Севастьянов совершил героический подвиг — он таранил вражеский бомбардировщик и сбил его. Это был первый ночной таран. Севастьянов выбросился на парашюте, а его истребитель упал на территорию Таврического сада. Остатки этого истребителя находятся теперь на выставке. Рядом висит карта немецкого пилота со сбитого Севастьяновым „Юнкерса“, где вычерчена трасса полета на Ленинград. „Юнкерс“ рухнул уже за городом. (Справа, внизу.)

Эта модель мостов на Неве инженера Л. А. Жуковского в точности воспроизводит замечательные сооружения под Шлиссельбургом, построенные после прорыва блокады Ленинграда. Оба моста деревянные. Строились они в необычайно короткие сроки. Один из мостов был, например, построен всего за восемь дней. (Слева, вверху.)

Самолет, на котором летал Герой Советского Союза Костылев. Самолет Костылева раскрашен под крокодила. На борту самолета нарисованы сорок две звезды — это значит, что летчик уничтожил на нем сорок две фашистских машины. Этот самолет „крокодил“ внушал фашистским летчикам страх и ужас. Не раз, увидев его, они, не принимая боя, поспешно уходили во-свои. (Слева внизу.)

Фугасная немецкая бомба весом в 1 тонну, которую немецкий летчик сбросил осенью 1941 года на больницу им. Эрисмана. Бомба не разорвалась, вушла глубоко в плавучий грунт. Ее откопали и разрядили. (Слева внизу.)

Немецкий танк „Т-6“, так называемый „Тигр“, подбитый нашими войсками. Экипаж танка был уничтожен полностью. Толщина брони на этом танке до ста миллиметров. (В центре.)

Началось изготовление макета, отражающего момент какого-нибудь знаменитого исторического боя.

Интересно построить и макет одного из кварталов Ленинграда таким, каким он был в дни осады. Здесь могут быть и баррикады, и доты в окнах домов, и здания, разрушенные фашистскими бомбами и снарядами, и огороды около домов, и надписи на домах: „Бомбоубежище“ и т. д. Через несколько лет такой макет, сделанный по живым наблюдениям, будет представлять большую историческую ценность.

Тремягая Башня

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

Глава VIII *)

ХАРИТОША

Когда мальчики совещались, как будут распространять листовки, — Харитоша загадочно молчал: у него был свой собственный план.

В „Новую Жизнь“ он пришел очень рано. На улице никого не было. Но кое-где над крышами поднимался дымок — значит, хозяинки уже затопили печки.

Харитоша прошел мимо обуглившихся развалин школы, мимо новой избы, где поселились немцы, и, перепрыгнув через плетенье около низенькой избы, постучал в крайнее окошко. Из-за беленькой занавескиглянула растрепанная голова Юрки-почтальона.

Через мгновенье в сенях загремел засов, и Юрка, поеживаясь от утреннего холода, впустил Харитошу. В избе было тепло и душно. Все еще спали, и Харитоша, стараясь не шуметь, присел на лавку около двери.

— Юрка, — попросил он, — дай мне сумку, в которой ты письма носил!

— Зачем тебе?

— Повестки надо разнести на сегодняшнее собрание, — небрежно ответил Харитоша.

— Повестки? На то собрание, которое немцы скликуют?

— Ну, да...

— Ах ты, собака продажная! — разозлился Юрка. — Дам я тебе свою сумку поганить, дождаться. Вот двину тебя в ухо, — узнаешь сумку!

Но Харитоша как ни в чем не бывало, стащил сапог и вынул из него завернутые в тряпочку повестки. Повестки были сложены аккуратными треугольничками. Один треугольник он протянул Юрке:

— Возьми и распишись, что повестка получена.

— Вот тебе, твоя повестка! — Юрка разорвал треугольничек и бросил его на пол.

— Дурак ты, Юрка, — сказал Харитоша, поднимаясь со скамейки. — Потом сам попросишь такую повесточку почтить, а тогда я тебе не дам!

Он осторожно нахлобучил на голову шапку и вышел из избы.

Оглядевшись по сторонам, Харитоша быстро зашагал в конец улицы и поднялся на крыльце крайней избы. Здесь жил старичок Иван Трофимович Архипов, работавший до прихода немцев сторожем в школе.

Когда Харитоша вошел в избу, старик Архипов приветливо заулыбался:

— Здравствуй, Харитоша. Навестить зашел?

Харитоша поклонился Ивану Тимофеевичу, осторожно снял шапку и вынул один треугольник.

— Я, дедушка, по делу. Вот получай повестку на собрание, да распишись в этой тетрадке.

— Это на какое же собрание? Не на то ли, что немцы созывают?

— На то самое.

— Так, так... — сказал Иван Трофимович и, насупив седые брови, строго посмотрел на Харитошу. — Это для такого дела тебя советская-то власть в школе обучала? Чтобы ты врагам родины служил?

Харитоша почувствовал, как горячая краска волной залила его щеки.

— Не думал я, что ученики нашей школы в услужение к погубителям этим пойдут, — сказал старик, отодвигая тетрадку.

Харитоша чуть не заплакал от обиды. Но, пересилив себя, сказал спокойно:

— А повесточку-то ты все таки прочитай, дедушка!

„Вот так каждый будет думать про меня, что я немцам продался, точно Митька косой, — думал он с горечью, направляясь к следующей избе. — Плохой я способ придумал... Но так в каждой избе прочтут и поймут, что я не предатель“.

Когда Харитоша обошел почти половину изб в деревне, его вдруг нагнал Юрка-почтальон. Под полой он держал что-то, а глаза у него были виноватые и ласковые.

— Харитон, — позвал он его. — На, бери сумку... Я ведь не знал...

Но Харитоша только свистнул в ответ и, весело подмигнув одним глазом, прошел мимо, как незнакомый. Юрка потоптался посреди дороги, потом отошел к своим воротам и встал там, наблюдая за улицей. Кое-где из ворот неторопливо выходили люди и, осмотревшись по сторонам, быстро шмыгали к соседям. К площади, где раньше были сельсовет и почта, прошли мужики из Ананьина. Из избы, где были немцы, вышел Митька косой и торопливо направился к площади.

Вдруг откуда-то из-за угла на улицу выбежал Харитоша. Он подмигнул Юрке и, вытащив из шапки несколько листовок, начал навешивать их на плетенье. Но ветер сорвал белые лоскутки бумаги, и они, закрутившись, полетели вдоль улицы. Харитоша только нагнулся, чтобы поднять одну, как его крепко схватили за локоть. Митька! Он вырвал из рук у Харитоши листовку и впился в нее глазами.

— Вот ты что тут разбрасываешь! — закричал он. — Где ты это взял?

— А я и не разбрасывал, — смело ответил Харитоша. — Я только поднять хотел.

*) Начало см. в „Костре“ №№ 1, 2, 3 и 4.

— Поднять хотел! — Митька косой размахнулся и ударил Харитошу по лицу.

— Вот тебе, чтобы не поднимал, вот тебе!

Харитоша хотел вырваться, тряхнул головой, шапка его упала и из нее выссыпалась листовки. Митька, не выпуская Харитошу, начал топтать ногами шапку и листовки. Он кричал и ругался, оглядываясь на избу, из которой уже выходили немцы.

— Мальчишку поймал! С партизанскими листовками! — вопил Митька.

Немцы, топая сапогами, подбежали к Харитоше и схватили его за руки. Толстый немец с нашивками на мундире выхватил пистолет и рукояткой ударил Харитошу по голове. Лицо Харитоши сразу залило кровью, а немец снова и снова ударял его по лицу, по плечам, по шее.

Митька схватил Харитошу за шиворот и поволок к дому. Прижавшись к забору, Юрка с ужасом смотрел на Харитошу — кровь текла у него по лбу, она капала из уха, и ворот его рубашки намок и покраснел.

— Кто дал листовки? Кто дал? — повторял Митька косой, колотя кулаком Харитошу.

— В поле нашел! Летчик советский их сбросил! — вдруг неожиданно звонко крикнул Харитоша. — Можешь бить — ничего не выколотишь!

— Выколочу! — прошипел Митька и втолкнул Харитошу в сарай. — Выколотим!

* * *

Виктор мыл руки, но краска не отходила. Он тер пальцы щеткой так, что они покраснели, принес с улицы горсть песку и оттирал их песком, но краска впиталась в кожу.

Лиза внимательно смотрела на Виктора. Потом она подошла к нему совсем близко и ткнула пальцем в пятно на его рубашке:

— Вот пятно, вот еще, вот еще одно, и рукава в черной краске, и руки и шея... Давай я тебе помогу отмыться. В печке горячая вода есть, я тебе рубашку выстираю...

Виктор растерянно посмотрел на рукава рубашки, а Лиза уже притащила таз с горячей водой, засучила рукава и захлопотала около брата:

— Нагни голову! Ниже, ниже нагни, я шею буду мочалкой тереть, — приговаривала Лиза. — Горячо? Ничего не горячо, у меня ведь руки терпят!

Когда Виктор вымылся, она положила в таз его рубаху и с ожесточением начала намыливать пятна. Она мела и терла рубашку и мыльная пена пузырилась у нее между пальцев. Виктор, стоя рядом, наблюдал за ее работой.

В это время в кухне и в коридоре захлопали двери и в комнату, запнувшись о порог, вбежал Юрка.

— Витька, Витька! — кричал он и страшное отчаяние было в его голосе. — Харитона немцы схватили... Бьют его... до крови избили...

Виктор и Лиза с ужасом смотрели на Юрку. У Лизы вдруг от страха задрожали ноги и она сжала коленки, чтобы унять эту дрожь.

— А где же они его схватили? За что? — спросил Виктор.

— На собрании, в „Новой Жизни“. Сперва в сарай заперли, а потом, после собрания — в избу к себе приволокли и бить начали. Что же делать? Теперь? Надо предупредить Харитонову мать.

Юрка быстро нахлобучил шапку на голову и выбежал из комнаты. Он мчался прямо посреди улицы, опустив голову и не заметил, как налетел на возвращающуюся откуда-то бабушку. Она остановила его, схватив за плечо, спросила что-то, потом, оглянувшись по сторонам, пошла к дому, кивнув Юрке, чтобы он не отставал от нее.

Лиза и Виктор выбежали в сени и, стоя там, с замиранием сердца ждали бабушки. Вот, наконец, скрипнула калитка, поспешные шаги раздались во дворе, и бабушка, задыхаясь от быстрой ходьбы, вошла в кухню. Всхлипывая и заикаясь от волнения, рассказал Юрка о том, что произошло с Харитошей в колхозе „Новая Жизнь“.

Бабушка, опустив голову на руки, села погрузившись в какие-то мысли. Все молчали. Ходики на стене тикали тревожно и быстро, точно напоминая о том, что надо торопиться.

Наконец, бабушка быстро поднялась с лавки и начала одеваться. Она надела новое свое пальто и вязаную шапочку, на шею повязала синюю в белых горошках шелковую косынку, а в руки взяла большой дождевой зонтик. Она стала вдруг какая-то важная, и глаза ее за стеклами очков блестели смело и сердито.

...На улице колхоза „Новая Жизнь“ было пусто. Крепко закрыты двери и ворота домов, даже ставни кое-где заперты, точно на ночь. Только в конце улицы, около нового белого дома, было заметно какое-то движение: три оседланные лошади стояли перед крыльцом, на спинах лошадей были навьючены узлы и свертки. Фигура немецкого солдата, в зеленой, как трава на болоте, шинели, маячила около лошадей.

Бабушка со смело поднятой головой пошла прямо к часовому. Сердце ее колотилось так сильно, что она, засунув руку под пальто, прижала его ладонью, но лицо ее было спокойным и даже сердитым.

В это время хлопнула дверь, и на улицу вышли еще два немца и Митька косой. Предатель подталкивал в спину упиравшуюся невысокую фигуру. Это был Харитоша. Спутанные волосы падали ему на глаза, распухшее, посиневшее от побоев лицо заливало кровь, руки были связаны за спиной. Длинная веревка обвязала его грудь, а конец этой веревки держал в руках толстый немец.

Немец вскочил на лошадь, дернул веревку, и Харитоша упал на землю. Митька косой пнул его ногой, Харитоша вскочил, обернулся, и крикнув: „предатель! гадина!“, — плонул ему в лицо.

Бабушка приблизилась к немцам, закрыла зонтик, и опершись на него, как на палку, спросила по-немецки:

— Кто здесь начальник?

Услышав немецкую речь, толстый немец тронул лошадь и выехал вперед. Веревка, которую он держал, натянулась, и Харитоша, опустив голову и не глядя на бабушку, тоже сделал несколько шагов.

— Начальник здесь я! — недовольно ответил немец. — Что вам нужно?

— Отпустите этого ребенка, — показала на Харитошу бабушка. — Развяжите его.

— Что? — закричал немец и лицо его покраснело, а белесые усы заторпарились от злости.

— Как вы смеете мне указывать? Кто вы такая?

— Я его учительница, — ответила бабушка. — Это безобразие так обращаться с ребенком. Куда вы его собирались тащить на веревке?

Бабушка сердито посмотрела на немца и даже схватила, было, веревку, которая тянулась от его руки к Харитоше. Но немец взмахнул плеткой и красный рубец мгновенно выступил на ее пальцах.

— Молчать! — заорал немец. — Молчать, или я и тебя привяжу вместе с этим мальчишкой! Прочь!

Он натянул поводья, направляя лошадь на бабушку, но лошадь, перебирая ногами, обошла неподвижно стоявшую старушку.

— Катерина Ивановна! — вдруг звонко крикнул Харитоша. — Уходите! Не просите их!

Он тряхнул головой, и слипшиеся волосы откинулись с его покрытого синяками лба. Залитое кровью, изуродованное лицо его было таким сме-

лым и решительным, что немец испуганно выхватил пистолет. Он прицелился сначала в Харитошу, затем, точно передумав, повернулся к бабушке и выстрелил в нее. Потом ударил рукояткой пистолета лошадь по голове, между ушей, и помчался вперед. Веревка, которой был привязан Харитоша, натянулась, он упал, и маленькая его фигурка в разорванной рубахе бессильно поволоклась по земле.

Бабушка застонала и, схватившись рукой за плечо, зашаталась и начала падать. А немцы стреляли все трое из автоматов, не целясь, поливая градом пуль пустую улицу и накрепко закрытые избы. Где-то зазвенели разбившиеся стекла. Перебегавшая улицу собака захрипела и упала на землю, корчась в предсмертных судорогах.

Глава IX

СНОВА В ГРЕМЯЧЕЙ

Бабушка уже вторую неделю лежала в кровати. Первое время она стонала и бредила, особенно по ночам, когда температура у нее поднималась, а рана начинала болеть сильней.

Петровна, Лиза и Верочка, сменяя друг друга, дежурили около бабушкиной постели. Петровна достала из шкафчика розовую, с золотыми зубчиками лампадку и по ночам зажигала ее вместо лампы. Слабый огонек колыхался от малейшего движения, и тогда большие, бесформенные тени метались по стенам.

Виктор жил в Гремячей башне, прибегал домой усталый, похудевший и, посидев недолго около бабушкиной постели, уходил обратно. Иногда в кухню заходили Петька с Сережей и, шепотом расспросив девочек о бабушкином здоровье, выкладывали невеселые деревенские новости.

— Харитошина мать в Лютово пошла его искать, да так и не вернулась. Наверно и ее немцы забрали, — рассказывал Петька.

— Митька косой целые дни по деревням шмыгает, шпионит за всеми, грозится, что скоро опять немцы приедут, — сообщал Сережа. — Недавно налог объявили: с каждой коровы все молоко — немцам.

— Как же можно молоко копить? — спросила Вера. — Ведь оно прокиснет.

— А он не молоком велит сдавать, а сметаной, творогом да маслом. Когда накопится побольше, — приедут забирать, или от нас кого пошлют везти...

Когда мальчики уходили, Петровна крепко запирала двери и все собирались в бабушкиной комнате. Редко кто заходил из деревенских. Все прятались по своим избам.

Кругом все стало чужим, враждебным: каждую минуту могли появиться немцы, в небе — вражеский самолет, на улице — предатель Митька.

Девочки шептались, вспоминая лето. За окном плавали в воздухе редкие, сухие снежинки, тонкий ледок затянул лужи, а бугры грязи на дороге подсохли и подернулись белой изморозью.

Однажды под вечер, когда на улице уже смеркалось, навестить бабушку пришел Николай Николаевич и старичок Архипов, Иван Трофимович. Николай Николаевич о чем-то тихонько заговорил с бабушкой, а Иван Трофимович остался в кухне, развязал небольшую котомочку и достал из нее две пары новеньких лапотков.

— Вот эти, побольше, — Витюшке, а маленькие — тебе, Лиза. Петровна мне сказывала, что у вас сандальки-то износились. Походишь пока в лапотках, — легонькие.

Лиза, покраснев от радости и смущения, взяла лапотки и начала сразу примерять их. Лапотки были жесткие, а бечевочка, которой нужно было их привязывать, больно врезалась в ногу.

— Так их нельзя носить, — сказал Иван Трофимович. — Надо онучки на ногу обмотать, или носок сшить войлочный. Тогда и тепло, и легко, и мягко будет... Ну, как бабушка?

— Поправляется, — ответила Петровна. — Во сне не говорит, а то все металась, мученица. Все Харитошу поминала, все грозилась немцам-то...

— Н-да-а... — протянул Иван Трофимович, смущенно поглаживая бороду, — а я вот виноват перед Харитошой остался. Думал, он немцам услужить согласился. А поди-ка — вот как все обернулось...

Он тяжело опустился на лавку, Петровна принялась приготовлять бабушке питье, — надавила в чашке бруски и залила водой. Когда питье было готово, Лиза осторожно, чтобы не расплескать полную чашку, понесла ее в комнату.

— Лиза! — сказал Николай Николаевич, когда она поставила чашку. — Нужно сходить в Гремячую башню, позвать сюда скорей Витю и передать Настасье Павловне вот эту записку и газету.

— В Гремячую башню? — пробормотала Лиза. — Одна? — она взглянула на бабушку.

Екатерина Ивановна лежала на спине, серенькая ее кофточка была надета только на одну руку, а второй рукав свисал с кровати.

— Бабушке, наверно, тоже было страшно, когда она собиралась в „Новую Жизнь“ выручать Харитошу, — подумала Лиза. — А она пошла.

— Я сейчас... — тихо пробормотала Лиза. — Я только оденусь. Дайте мне письмо...

Бабушка поманила к себе Лизу и поцеловала ее в лоб:

— Ты будь осторожна, Лизанька, возьми с собой мешок. Если тебя встретит кто-нибудь — скажи, что за шишками идешь... Для самовара...

В глазах у бабушки была и гордость, и тревога.

В поле Лиза бежала всю дорогу бегом. Пустой мешок, она перекинула через плечо и он болтался за спиной, как крылья, а газету и письмо она положила в карман халатика.

Когда тропинка юркнула в кусты, она пошла тише, прислушиваясь и оглядываясь, не спряталась ли здесь Митька косой или какой-нибудь немец? Ей было очень страшно. Листья с кустов давно облетели, кругом было как-то темно и неуютно и только желто-красные ягоды шиповника висели на бурых, колючих ветках.

Вдруг она услышала позади топот и треск сучьев: кто-то бежал через кусты, догоняя ее.

Лиза метнулась в сторону; потом, задыхаясь от страха, бросилась вперед. Она бежала, скользя на мокрых листьях, запинаясь о крепкие корни. Но шум раздавался все ближе и ближе. Вот кто-то дотрагивается до ее платья... Громко закричав, Лиза оглянулась и вдруг увидала: Веселый! Взъерошенный, мокрый, он прыгал вокруг Лизы, стараясь лизнуть ее в лицо.

Лиза присела на корточки, обняла Веселого за шею и расцеловала его косматую морду.

— Веселенький! Миленький! — шептала она.

Она расстегнула пальто, сняла поясок от халатика и привязала его к ошейнику Веселого.

— Иди рядом, не убегай! — умоляюще говорила она, таща за собой Веселого. — Мне очень, очень было страшно ити одной...

Веселый не умел ходить на привязи — он упирался ногами, прыгал в сторону, забегал вперед. Но Лиза крепко держала поясок и Веселому поневоле пришлось бежать рядом.

Вот и обрыв... С замиранием сердца осмотрелась Лиза кругом. Казалось, что сюда никогда никто не приходит, — тропинку завалило листьями и какими-то сучьями, плотно закрытая дверка пещеры потемнела от дождя, тихо и пусто было кругом. Неужели где-то здесь, совсем рядом находится Виктор? Неужели здесь, вот за этой дверкой, происходит что-то важное и таинственное?

Лиза с волнением подняла руку и тихонько стукнула в дверку. Дверка открылась и на пороге появился Виктор.

— Ты? — спросил он встревоженно. — Почему ты? Что случилось? Бабушка...

Он отступил назад и за его спиной появилась Настасья Павловна.

— Меня Николай Николаевич прислал, — сказала Лиза, входя в пещеру. — Вот...

Она достала письмо и газету. Настасья Павловна разорвала конверт и подошла к лампе, а Лиза с интересом оглянулась кругом. Вот она, Гремячая башня! Как непохоже все в ней стало! Стенки, разгораживавшие раньше пещеру на две комнаты, были вынуты, и получилась одна большая комната. Посередине ее стояла печатная машина, такая, какую видела она в типографии „Ленинского Пути“, около стены — наборная касса, похожая на парту, а рядом стол, к которому был приделан длинный острый нож для резания бумаги. Тут лежали большие листы бумаги, и стопки маленьких листков, чуть побольше, чем страница из тетрадки.

— Газетки! — ахнула Лиза. — Вот, значит, где их печатают!

— А ты, верно, думала, что их откуда-нибудь привозят? — спросил, довольно улыбаясь, Витя. — Нет, мы их сами пишем, сами печатаем... — и прибавил строго: — только ты, не болтай.

Лиза обиженно взглянула на брата. Неужели он до сих пор считает ее маленькой и думает, что она ничего не понимает?

— Витя! „Правда“! Наша, московская „Правда“! С самолета сбросили... — радостно сказала Настасья Павловна и развернула газету.

— Смотрите! Статьи про Москву! Джамбула стихи, какие хорошие! — обрадовался Виктор. — Настасья Павловна, про партизан! Как учитель по радио сводки ловит. Совсем как у нас Николай Николаевич...

Он вдруг запнулся и с опаской оглянулся на Лизу. Но она не слушала, она смирно сидела на табуретке около стола, разглядывая все, что было в пещере. Вот, в одном углу лежит сенник, покрытый тулупом — здесь, наверно, спит Настасья Павловна. Бедная! Как ей, наверно, жестко и неудобно спать! Вот на маленьком столике — горшок,

в котором Верочка носит кашу. Около двери — две винтовки: одна длинная, а другая коротенькая, с круглым диском посередине — автомат. А вот полочка, и на ней — ее домашний, милый слоник с отбитым хоботом!

Лиза подошла к полке и взяла слоника. Он потемнел и закоптился, — наверно от лампы, которая и сейчас чадила под дощатым потолком.

Лиза обтерла с него пыль и украдкой поцеловала его в спину.

За дверью послышались тяжелые шаги. Настасья Павловна схватила автомат и шагнула к порогу. Дверь в пещеру медленно отворилась и в ее свете показалась фигура Васи Шорина. Голова его была замотана какой-то тряпкой, из-под тряпки, около уха, сочилась кровь.

— Что случилось? — встревоженно спросила Настасья Павловна. — Ты ранен? Где? Как?

— Потом скажу... — пробормотал Вася, беспомощно опускаясь на сенник. — Пить дайте... воды...

Настасья Павловна быстро налила воды из глиняной кринки и подала Васе. Руки у нее дрожали, и вода лилась Васе на грудь. Вася жадно выпил всю кринку, потом лег, застонав от боли. Настасья Павловна укрыла его тулупом и сказала, обращаясь к ребятам, побледневшим от испуга:

— Бегите сейчас домой. Расскажите обо всем бабушке и Николаю Николаевичу.

* * *

Известие, которое принесли ребята, очень встревожило бабушку и Николая Николаевича. Где, кто ранил Васю Шорина? Опасная ли у него рана? Не проследили ли немцы, куда он скрылся?

Петровна предложила сходить и узнать все поподробней, но Николай Николаевич не позволил:

— Нельзя туда сейчас ходить, — сказал он. — Подождем, пока стемнеет. Я сейчас, Витя, разыщу Петью и Сережу. Есть поручение, которое выполнить нужно завтра же...

Когда мальчики пришли, Николай Николаевич увел их в учительскую. А Лиза отправилась на

кухню к Петровне. Петровна сидела и шила. На столе лежали обрезки войлока и один, уже готовый, войлочный сапожок.

— Это мне? — спросила Лиза.

— Нет, тебе завтра сошью, а это Витюшке. Он в дальнюю дорогу отправляется, а погода-то вон какая!

— А куда он пойдет? — спросила Лиза.

— На кудыкину гору, в звериное логовище. Вот случится с ребятами какое несчастье, — как перед родителями отвечать будем!

Она сердито затрясла головой и забормотала что-то себе под нос, но что — Лиза не могла разобрать.

В сенях скрипнула дверь, и в кухню вошел человек в высоких новеньких сапогах, новой поддевке и синем картузе. Лиза с испугом посмотрела на вошедшего. Противный, опухший, вместо одного глаза темнела пустая впадина, а другой глаз — маленький и бесцветный, как буравчик впивался то в Лизу, то в Петровну.

Лиза заметила, как у Петровны задрожали руки и наперсток скатился с пальца на пол. Но Петровна не подняла его и продолжала шить, точно не видя, что вошел чужой человек.

Одноглазый без приглашения уселся за стол.

— Почему молоко не сдаете, как было приказано? — строго спросил он

— Потому, что петух еще не отелился, — спокойно ответила Петровна. — Не доит еще молока, вот и не сдаем.

— Ты мне шутки не шути! — стукнул кулаком одноглазый. — Знаешь, куда за такие шутки нынче забирают?

— Как не знать, батюшка, — чай не в лесу живем. Только мы своей коровой еще при нашей при советской власти распорядились, — все так же спокойно ответила она. — Мы ее еще до твоих германских властей в колхоз сдали. Молоко тогда в колхозе брали, а теперь воду хлебаем с детьми...

Одноглазый взглянул на Лизу, и она задрожала от страха и тесней прижалась к Петровне.

— „Детьми“... — передразнил он. — Таким детям не молоко пить, а на лесозаготовках работать. Я еще вчера говорил, чтоб ваш мальчишка завтра к пяти утра ко мне явился. Слышала?

— Не глухая, чай, — проворчала Петровна. — А рада бы была тебя не слушать.

Одноглазый окинул взглядом всю кухню и встал с табуретки:

— Ты непокорность свою оставь, старуха, а то плохо будет. Вот, ужо, подмерзнет волок, придут сюда германские власти, — забудете, как бунтовать.

— Петровна, кто это? — спросила Лиза, как только дверь за одноглазым захлопнулась. — Страшный какой...

Но Петровна ничего не ответила, прижала к груди сапожок и молча уставилась на дверь. Потом вдруг вскочила, засуетились, заперла дверь на крючок и торопливо пошла из кухни. В коридоре она наткнулась на Николая Николаевича, который стоял в темном уголке около шкафа.

— Слышал? — прошептала Петровна испуганно.

— Слышал, слышал. Все время тут стою, как увидел в окно, что он сюда прошел.

— Испугалась за ребят, за Катеньку, за тебя страх-то у меня был. Так и ждала, что он про дела-то эти тайные спросит...

Они вошли в комнату. Бабушка начала спрашивать Петровну про Митку косого, а сама все гладила по руке Лизу, которая присела к ней на кровать. Николай Николаевич, задумчивый и грустный, курил самокрутку, а мальчики о чем-то спорили шепотом около окна.

— Лиза! — позвал Витя, — иди сюда! Куда ты свою надувную подушечку девала?

— Она в чемоданчике, — сказала Лиза.

— Давай, давай ее скорей, — торопил Виктор. — Мне обе нужны — и твоя и моя.

Витину подушечку держал в руках Сережка-инженер. Один уголок у нее был зачем-то отрезан.

Лиза достала свою подушечку и нерешительно протянула Вите.

— И мою тоже разрежете? — спросила она.

— Ты не горюй, — сказал Виктор, — нам для важного дела нужно. Понимаешь? — прошептал он ей на ухо, — завтра мы в Лютово поедем, а в подушках такую штуку повезем, что немцы от злости лопнут. Поняла? Только молчи.

— В Лютово! — ахнула Лиза. — Харитошу спасать?

— И Харитошу спасать, и другое...

Но видя, что Лиза все еще смотрит с испугом, Виктор сделал веселое лицо и скомандовал:

„Из Гремячей башни дальнобойным орудием по немецким захватчикам — огонь!“

(Продолжение следует)

Планёры - танконосцы

Тяжелый бомбардировщик „Лан-кастер“ перелетел Ла-Манш. На по своему курсу. Планёр плавно, Перевозят на „Гамилькарах“ не буксире у него огромный планёр в точно указанном месте опустились только танки, но и другое тяжелое вооружение. С помощью этих планёров, можно судить по размеру. Как только „Гамилькар“ касается мощных планёров — „секретного оружия“ — союзники перебросили его крыльев: они такой же величины, как и у бомбардировщика. Касается наверх, и из планёра во Францию много вооружения и выезжает легкий, быстроходный боеприпасов и тем самым облегчает операцию вторжения.

Вот показались берега Франции. За несколько миль до места своей посадки „Гамилькар“ отцепляется, танконосцы союзники применили

РАССКАЗ-ШУТКА
(для школьной самодеятельности)

Самого меня зовут Федя Булкин, а вот это (*бережно снимает шапку и поглаживает ее*) — это моя шапка-ушанка и про нее я вам сейчас и расскажу.

Один раз открывается дверь и входит военный: „Мне надо Федора Булкина!“ А я ему отвечаю: „Это как раз я — Федя“. Военный говорит: „Поздравляю вас, Федя, с днем рождения и вот вам от вашего отца подарок“. — Дает мне сверток и уходит.

Развернул я сверток — шапка! Вот эта самая ушанка! Хотел я ее тут же надеть, а из нее выпала записка. Я ее берегу! (*Вынимает записку, читает*): „Милый Федя, посылаю тебе на рожденье свою шапку. В этой шапке гнал я немцев от Волги, от самого Сталинграда. Два раза срывало ее у меня с головы взрывной волной, один раз пуля задела. Носи ее на здоровье, да только не гордись — важна не шапка, а то, что под ней...“

А я подумал — что такое под ней? Заглянул... ничего нет! Надел на голову, посмотрел в зеркало, — а-а, вот что такое под ней (*стучит себя пальцем по лбу*)! — Голова! А под конец папа мне пишет: „Имей в виду, что шапка моя приучена к дисциплине и порядку, а если что будет не по ней, — уж ты пеняй на себя! Твой папа“.

Вот какое письмо. Надел я шапку и побежал во двор. Окружили меня ребята с нашего двора и даже с соседнего прибежали. Все любуются, ни у кого такой шапки нет! А ворона на воротах сидит и кричит: — Крррасиво! Крррасиво!

Тут, я даже сам не помню, как это получилось, — подбоченился, голову закинул, а шапка... шапка — бац! сорвалась с головы и на землю.

Вы, наверное, скажете что она просто-напросто мне велика? Ну и что ж такого!

Вот мне башмаки тоже велики, а они ведь с ног не соскакивают! Тут я вспомнил папино письмо... Вспомнил и говорю ребятам:

— Конечно, ребята, шапка хорошая, но самое важное это то, что под шапкой. А у меня... Я еще даже уроков толком не выучил. Пойду учить, а потом уж вернусь.

Пришел я домой, а у меня была такая привычка... Не знаю, есть она у вас — прийти и пошвырять с себя все куда попало — пальто на диван, калоши — одну на север, это к печке, а другую — на юг, то-есть к окошку под кровать! А шапку я кидал вообще в неизвестном направлении. Вот так и тут — швырнул, и вспомнил: что ж это такое я наделал! Папина шапка. Она ведь к порядку приучена... Знаете, сколько я на четвереньках лазил? Наверно, полчаса искал! А бабушка говорит: „Так и надо, так и надо. Шапка нарочно от тебя прячется. Видно, не охота ей такому неряхе служить!“

И ведь ничего не скажешь! Права бабушка. Кое-как вытащил я шапку из-под комода и думаю: „А что, если и калоши с нее пример возьмут, и пальто? Тогда весь день придется ползать, искать!“

Утром пошел я в школу. Конечно, в шапке. День солнечный. Передо мной по тротуару моя тень бежит. Тоже в шапке. Любуюсь тенью, ни на что внимания не обращаю. А мне навстречу идет Борис Иванович — наш учитель ботаники. Мы с ним у школьных ворот столкнулись. Взглянул я на тень — вижу: шапка моя на ухо сползает... Потом ка-ак спрыгнет с головы и покатилась прямо Борису Ивановичу под ноги!

А Борис Иванович придержал ее своей палочкой и говорит: „Это ты, Федя Булкин, наверно, поспешил со мной поздороваться, вот она у тебя нечаянно и слетела.“

По правде вам сказать, хотел я промолчать, а потом думаю: „Может быть шапка тогда и совсем от меня откажется“...

Я и говорю: „Нет, Борис Иванович, я это забыл с вами поздороваться, а вот моя шапка не забыла.“ Борис Иванович засмеялся: „Разве твоя шапка умнее тебя?“

Тут я и вспомнил: важна не шапка, а то, что под шапкой. И решил: больше ей учить меня не придется! Буду сам все помнить! Вот! (*собирается уходить, шапка соскакивает с головы*). — Что же это такое? Нет, это не спроста. Опять я что-нибудь не так сделал?.. Ну да, конечно! Это я забыл с вами попрощаться (*раскланивается*). — До свиданья! (*Бережно надевает шапку, по-военному прикладывает к ней руку, поворачивается кругом и уходит*).

В. Карбовская

Н. Владимирская

Рис. В. Курдова

МАСТЕРА РАЗВЕДКИ

Что происходит за линией неприятельского фронта? Какие здесь части? Где самые сильные укрепления? Где наиболее уязвимые места?

На одной из дорог замечено оживление: снуют машины, движутся войска. Что затевает здесь враг? Подбрасывает ли он свежие части или уводит свои войска? Или, отвлекая внимание противника, нарочно хитрит, чтобы скрытно подготовить какую-то операцию на другом участке?

Разобраться во всем этом помогает разведка. Разведчик должен уметь наблюдать: слышать и видеть. Незначительная подробность может оказаться ценнейшим свидетельством.

Однажды штабной командир, находясь в окопе первой линии, услышал, как один боец сказал другому:

— Это не тот противник. Раньше все были с флягами, а сейчас без фляг ходят.

Человек неискушенный, малоопытный, навряд ли придал особое значение этому замечанию. Но этот командир стал расспрашивать других бойцов. Оказалось, что и артиллеристы-наблюдатели подметили то же самое.

„Быть может, — подумал тогда командир, — немцы сменяют здесь свои части?“ Чтобы проверить свою догадку, командир отправил разведчиков добыть „языка“.

— Да, действительно, — сообщил пленный, которого привели разведчики, — на этот участок три дня тому назад прибыл новый батальон, взамен ушедшего в резерв. Фляг в батальоне еще не получали.

Со стороны кажется, что опытному разведчику будто кто-то подсказывает: „Здесь немецкий пулемет, а тут миномет, а вот там засада“.

На самом деле разведчик как следопыт читает чуть приметные следы, которые оставил противник.

Однажды, посланные в разведку бойцы остановились в недоумении на перекрестке дорог: куда ушел противник? Тогда разыскать следы врага вызвался сержант Владимир Воробьев, — разведчик опытный и бывалый.

Он прошел по одной дороге, потом по другой, осмотрел все колеи, придорожные кусты, столбы. Возвратившись к товарищам, он сказал:

— Немцы ушли по направлению к деревне. Вот туда, вправо...

Сержант заявил, что у немцев были с собой пушки, причем одна противотанковая. Все это „прочел“ он по следам.

На дороге, которая шла влево, следы покрывала сухая корка грязи. Здесь давно никто не проходил. А на другой дороге около лужи явственно виднелись четыре следа, — проехало орудие. Чуть дальше пушки зацепились за столб, — об этом свидетельствовали две царапины. Повозки на такой высоте не могли поцарапать столб. Более глубокая царапина — от пушки крупного калибра, другая царапина, нижняя — от противотанковой.

Разведчики пошли по направлению к деревне и вскоре заметили немцев. У них, как и сказал сержант, были пушки и среди них одна противотанковая.

Чтобы победить врага, надо изучить излюбленные им приемы войны, разгадать его военные уловки и хитрости. И подчас важно знать характер и привычки командира, который командует неприятельскими войсками.

Вот какой однажды произошел случай.

Командиры одной из наших частей знали, что перед ними находится 384-я немецкая дивизия. Каждый день немцы беспорядочно стреляли по нашим окопам, тылам, путям подвоза. Обстрел продолжался с завтрака до обеда, и с обеда до ужина. А в те часы, когда командир германской дивизии отдыхал, наступало затишье. Было известно, что он не терпит, когда его будят. Каждую ночь немцы выпускали целый фейерверк ракет. Делалось это для того, чтобы наши бойцы думали, что немцы бодрствуют. На самом деле все они спали кроме дежурного ракетчика.

Но вот все изменилось: бесприцельный огонь сменился более точным. Ночные фейерверки прекратились, но зато ночное охранение стало более бдительным. Стали появляться новые укрепления: то огневая точка, то заграждение из колючей проволоки.

384-ю немецкую дивизию сменила 76-я. А нрав у командира этой дивизии был более спокойный. Вскоре выяснилось, что он занят переделками прежней системы обороны.

„Раз это так, то, следовательно, сильно укрепленные участки теперь ослаблены“, — решили наши командиры. Вскоре эту догадку подтвердили разведчики. Один участок, основательно укрепленный прежде, теперь был прикрыт одним только минным полем.

Наше командование сделало вид, что этот

участок его не интересует. Для отвода глаз наши бойцы возводили укрепления против новых немецких. А саперы тем временем скрыто от врага разминировали поле, и путь для наступления был готов. Наши войска нарянули на фашистов врасплох там, где их никто не ждал.

Трудно рассказать обо всех особенностях этой увлекательной и дерзкой охоты за фактами. Мы расскажем историю одной разведки, из которой видно, как важно все предусмотреть заранее.

На одном из фронтов река разделяла линию нашей обороны от германской. Было известно, что у немцев много танков и много пушек. Но что это за части, что собираются предпринять фашисты, — этого не знал никто.

Тогда решили снарядить разведку, чтобы захватить „языка“. Напасть на врага легче всего было километрах в двух от передовой линии по дороге. Здесь, как было известно, немцы проезжали каждый день в полдень в деревню за продуктами.

В эту разведку отправились: автоматчики, гранатометчики, пулеметчики, бронебойщики и радисты. Рано утром, когда над рекой стлался туман, они переправились на вражеский берег. Там они спрятались. Каждый в своем месте, как указал командир.

В двенадцать часов на дороге показался немецкий грузовик. Тот самый, которого поджидали разведчики. В грузовик полетели гранаты. Часть фашистов была убита, часть ранена, двое убежали, а один унтер-офицер взят в плен. Забрав документы с убитых гитлеровцев, наши разведчики поспешили к реке.

Вскоре показалась погоня — три немецких танка с десантом. Их вызвали два гитлеровца, убежавшие с грузовика. Но командир разведки заранее спрятал бронебойщиков. Они подбили один немецкий танк. А потом стали отступать к берегу, отстреливаясь, и так подошли к болоту. Танки остановились, — двигаться по топи они не могли.

Тогда фашистские десантники бросились за разведчиками в камыши. Но здесь в засаде сидели наши: пулеметчики и автоматчики. Под их огнем немцы отступили.

Радисты-разведчики все время доносили, как протекает бой и, наконец, передали последнее указание нашим артиллеристам — прикрыть огнем нашу переправу. Разведчики благополучно вернулись на свой берег.

Опыт и мастерство — вот что приносит успех разведчику.

Однажды, в одной роте разведчиков разгорелся горячий спор. Поспорили старый разведчик Николай Чередников с молодым искусственным снайпером Валентином Уткиным.

Разведчик утверждал: он так сумеет заиться и замаскироваться, что Уткин его не обнаружит. Даже если подойдет к нему на десять метров. Даже если будет знать наверняка, что разведчик где-то здесь. А снайпер утверждал, что на расстоянии десяти метров он заметит не только человека, но даже и муху.

Поспорили на кисет с табаком. Судьей просили быть старшину роты. В час отдыха старшина торжественно подозвал Уткина и повел снайпера по дороге. Они остановились на изгибе дороги у опушки молодого и редкого березового леска. Старшина засек время и предложил Уткину искать Чередникова. Снайпер принял оглядывать каждый кустик, каждую березку. Иногда он замечал помятую траву, или разрытый мох, или сломанный прут. Уткин готов был уже окликнуть Чередникова, но всякий раз убеждался, что ошибся. Потом снова начинал поиски. А старшина сидел неподалеку на груде камней, покуривал свою трубочку. Шел мелкий дождь. На траве оставался сероватый налет. Следы отлично выделялись бы на нем темным пятном. Но их не было!

Так прошли положенные на поиски полчаса.

— Больше глядеть нечего, — проговорил снайпер.

— А ты гляди, гляди внимательней, — раздался где-то совсем рядом знакомый голос Чередникова.

В нескольких шагах от снайпера из груды камней вдруг поднялась высокая фигура старого разведчика. Он одернул гимнастерку и, вскинув винтовку, подошел к Уткину.

Снайпер отдал кисет. Чередников не спеша набил табаком свою трубку, завязал кисет и протянул его снайперу.

— Дарю тебе. Помни: с бывалым солдатом не спорят.

Свои замечательные навыки разведчик приобретает не сразу: наблюдательность, внимание развиваются постепенно. И вы можете стать „следопытами“, если захотите. Попробуйте играть в разведчиков, когда поедете за город. Научитесь умело маскироваться и прятаться, читать оставленные „противником“ следы, запоминать все, что вам доведется увидеть.

Караваевка

В. Лебедев

Рис. В. Кобелева

В семи километрах от берега Волги, возле старинного русского города Костромы в долине уютной, зеленоватой речки Сендечи стоит небольшой поселок. В центре его, на башне главного здания, под сенью старых высоких берез сверкает золотом орден Ленина. Это орденоносный совхоз „Караваево“, — лучший совхоз Советского Союза. В прошлом году труды этого совхоза были отмечены Сталинской премией.

Еще семь лет тому назад караваевская корова „Послушница“ надоила за год почти семнадцать тысяч литров молока. Это мировой рекорд. Из каждого литра ее молока получалось сорок два грамма чистого высокосортного масла. Значит, каждые сутки эта „Караваевка“ дарила людям по два килограмма отличного масла. А ведь обычная хорошая корова при двенадцати литрах дневного удоя может дать только триста граммов масла.

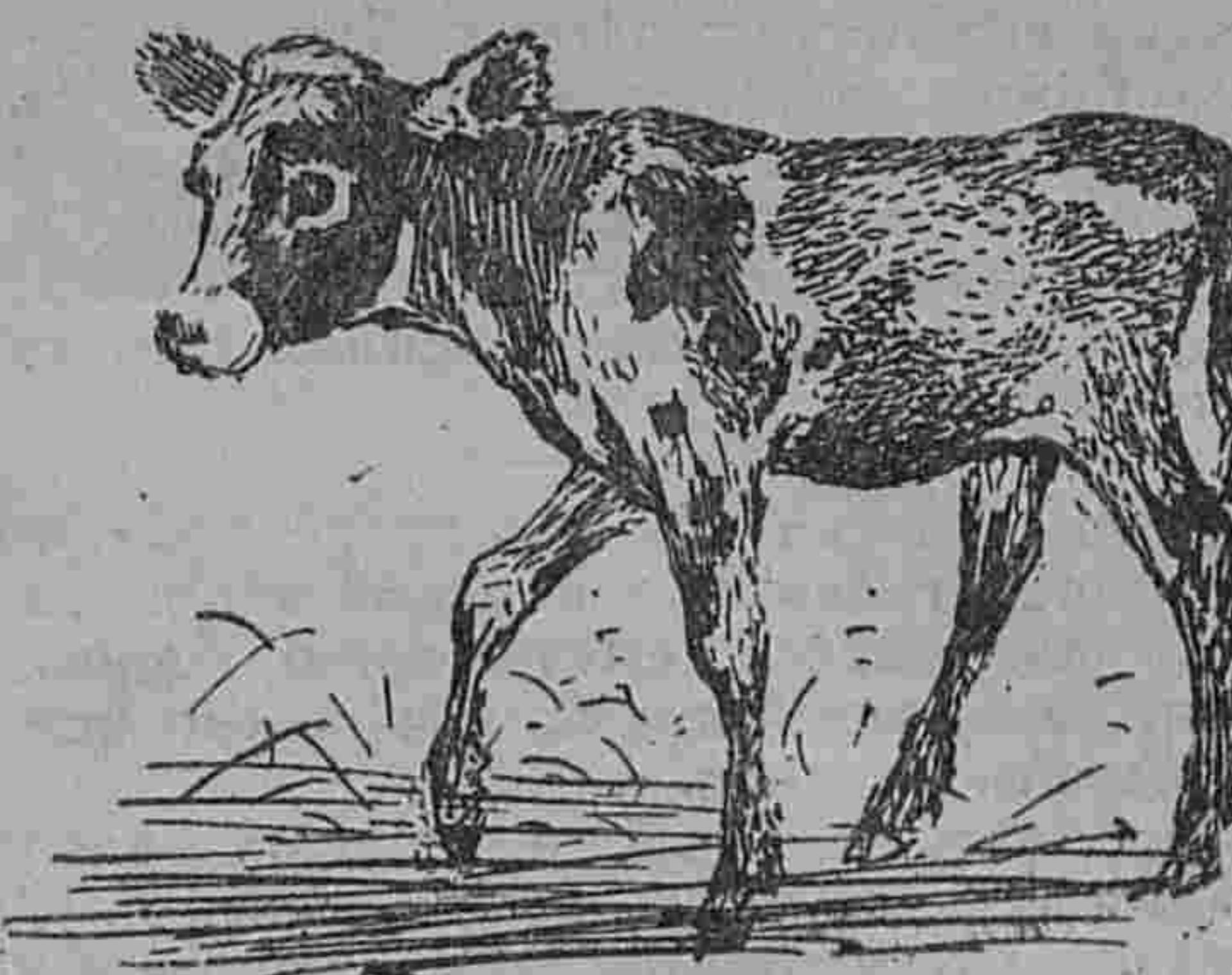
А сейчас „внучки“ и „племянницы“ этой коровы „Послушницы“ тоже рекордистки.

Как же удалось этого достигнуть? Кто этот человек, который сумел вырастить таких необыкновенных коров?

Когда Станислав Иванович Штейман был простым скотником в глухом уголке Костромского края, он внимательно всматривался в коровьи вкусы, навыки, потребности. Он подмечал и запоминал, какие травы любят коровы, каких трав они избегают.

Станислава Ивановича пригласили работать в совхоз „Караваево“, где было, как выражались тогда „заграничное“ стадо. Из сорока голов караваевского скота половина была вывезена из Швейцарии: „симменталы“ и „швицы“. Долгие годы два швейцарские кантона — Швиц и Симменталь — соревновались — чей скот лучше, и вот вывели не плохие, в общем, породы. Но скот этот оказался неприспособленным к суровому русскому климату: он болел, снижал удои, погибал.

Как приспособить ценные качества швейцарских коров к суровому климату северного Поволжья? Станислав Иванович начал действовать по-мичурински: скрестил требовательных, изнеженных, нестойких швиц и симменталов с неприхотливой, стойкой, выносливой русской крестьянской буренушкой. Проездив по лесным деревням восточного берега Волги, он купил для своих

опытов коровенку с простецким именем „Шабриха“.

Эту „Шабриху“ скрестил он сперва с быком-шицием, потом с симменталом. Приплод оказался не совсем таким, о каком мечтал Станислав Иванович. Но их потомки оправдали надежды Станислава Ивановича. Через восемь лет „Послушница 2-я“ — корова, выращенная в Караваеве, стала рекордисткой мира, той самой коровой, из молока которой каждый день добывают два килограмма масла.

И вот, за какие-нибудь пять-шесть лет караваевское стадо, дававшее в среднем две, две с половиной тысячи литров на корову, стало давать до пяти тысяч, а лучшие коровы, вроде „Послушницы“, начали подбираться и к мировым рекордам.

Но была в совхозе „Караваево“ одна грозная беда. Телята погибали от болезней: суставолома и белого поноса. Родится теленочек, поиграет возле матери денек-другой и вдруг заболевает.

Чего только ни делал Станислав Иванович, чтобы избавиться от этих двух страшных болезней: и дезинфекцию в коровниках проводил, и стены и потолок двадцать раз перебеливал, — нет толку, все равно мрут телята. И тут помог один случай.

Однажды осенью, в ноябре, когда уже снег падал на поля, вдруг исчезла со скотного двора перед самым своим отелом одна из лучших коров „Беляна“.

Несколько дней не могли ее найти. Наконец, нашли в лесу на полянке. Но „Беляна“ была не одна. Возле нее прыгал, резвился здоровый и жизнерадостный четырехдневный теленок. А ведь большинство телят погибли от заразы уже на третий день...

Задумался Станислав Иванович над этим происшествием и осенила его замечательная мысль:

„Что если попробовать растить телят в неотапливаемом телятнике? Ведь в теплом помещении теленку каждый сквозняк стра-

шен. А в помещении, где воздух ровный, переходов резких от тепла к холоду нет, может быть, там сразу двух целей добьешься: молодняк закалишь и заразу убьешь?"

Сперва осторожно, а потом все смелее стал применять зоотехник Станислав Иванович Штейман холодное мичуринское воспитание юных телят. Выстроил особый телятник, без единой печки.

Ахали, охали сперва доярки, скотники: "Как же так? Не принято это". А Станислав Иванович отвечал всем одно:

— Ни для лосей, ни для оленей, ни для буйволят — никто телятников теплых не

строил, а ведь ни один лосенок, ни один олененок никогда не простужался на вольном воздухе.

С тех пор как ввел Станислав Иванович холодный, мичуринский метод, прошло больше десяти лет, а ни один теленок не погиб с той поры в совхозе „Караваево“.

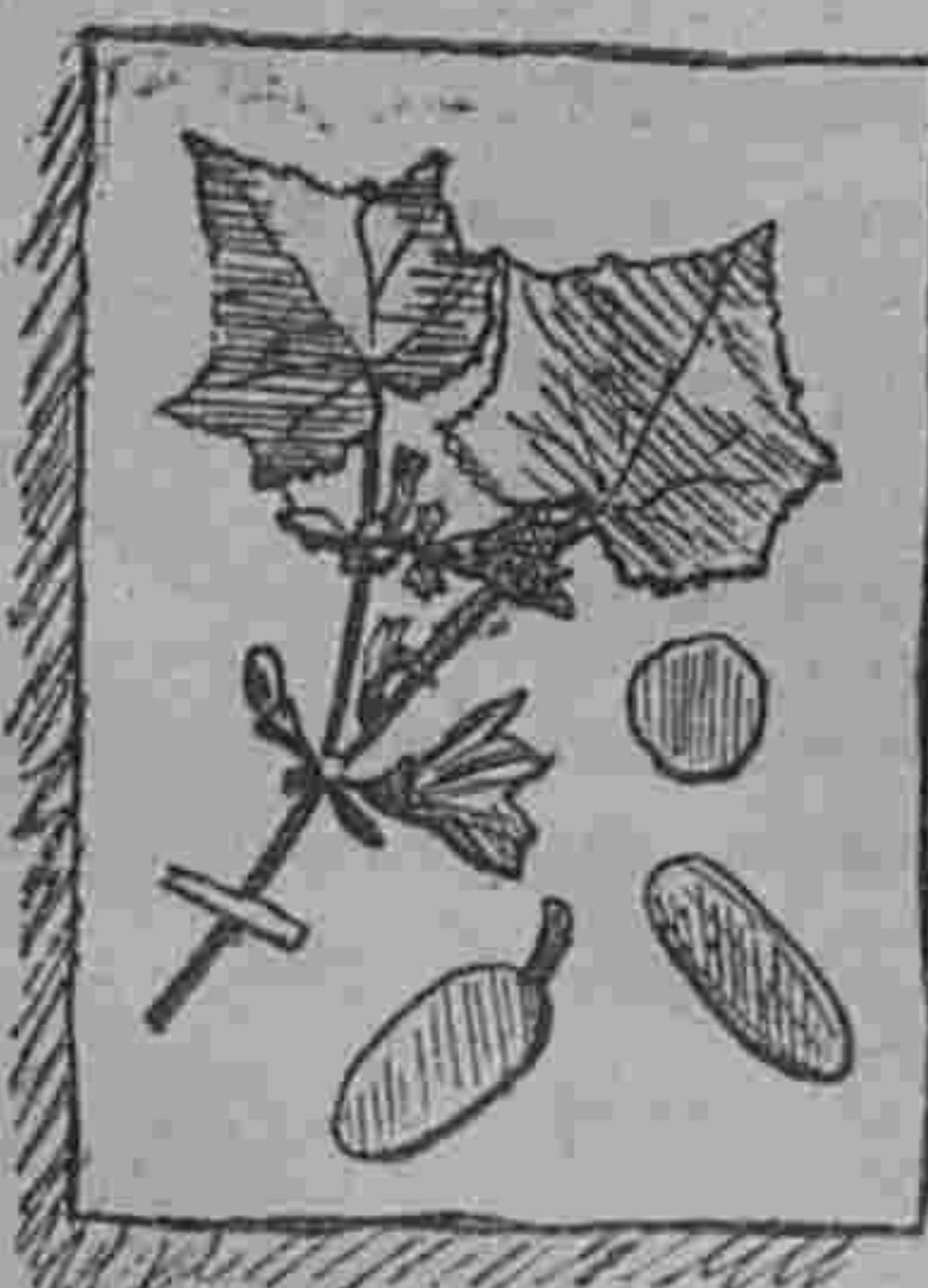
Так улучшил породу коров замечательный новатор животноводства лауреат Сталинской премии Станислав Иванович Штейман. И вот нынче особым решением Правительства коровы совхоза „Караваево“ признаны новой русской породой крупного молочного скота.

Мой гербарий

Н. Вервилин

Один ленинградский школьник составил любопытный гербарий-лилипут, помешавшийся в спичечной коробке. Он собирал в сухих местах самые маленькие экземпляры цветущих растений: ромашку, крестовник, василек, подорожник и др. Такой гербарий-лилипут всегда можно носить с собою, но его приходится рассматривать в лупу. А вот растения, которые можно поместить в папиресную коробку, очень удобны и для изучения и для переноски. Понятно, что, составляя такой гербарий, нужно обязательно надписывать размеры обычного растения, растущего в нормальных условиях. Если в таком маленьком гербарии сделать надписи на обороте, то им можно пользоваться для игры в „Ботаническое лото“.

Чтобы хорошо изучить растение, полезно засушить еще и отдельные его части: срезы стебля, корня, плода, чашелистики, лепестки, тычинки и пестик цветка. В этом случае поступают так: все части цветка засушивают между листами промокательной бумаги в книге и затем наклеивают на гербарном листе рядом с целым растением. Наклеивать можно рядами: чашелистик, лепестки, тычинки, пестик; или кругами, как это делают на диаграммах.

Строение плодов удобно изучать на их срезах. Недозрелый плод томата, огурца, боба, небольшого яблока разрезают пополам и безопасной бритвой делают тонкий срез. Для срезов берут два одинаковых плода — один для поперечного, другой для продольного. Чтобы сочные срезы не съежились при засушивании, их накладывают на предварительно проклеенную клейстером или столярным или вишневым kleem высушеннную бумагу. Срез выделит сок и приклеется к бумаге. Бумагу со срезами кладут под пресс. Когда срез высохнет, бумагу вокруг него обрезают и наклеивают на

гербарный лист. Так же обрабатывают срезы (поперечный и продольный) стеблей и корнеплодов: моркови, репы, свеклы, редиса и других.

Можно представить на отдельных листах гербария, как развивается растение. — от семени до плода.

Таким же способом можно составить прекрасный гербарий грибов.

Шляпку и пенек разрезают пополам и в них ножичком выскабливают всю мякоть, оставляя только наружную кожицу. Из другой половины гриба делают тонкий срез шляпки вместе с пеньком. Срезы накладывают на проклеенную бумагу и потом поступают так же, как и со срезом сочных плодов.

Полезно вести дневник, где следует записывать, когда, где и сколько собрано разных грибов. Такие записи следует делать в гербарии под каждым видом гриба.

Грибы, растущие группами, как лисички, можно наклеивать по несколько штук вместе. К пеньку белых грибов хорошо подклеть мох, или растения, среди которых он растет.

Кроме гербария можно сделать чучело или получучело растения. Для этого плоды огурца, недозрелого томата или корнеплоды свеклы, репы, редиса разрезают пополам и всю внутреннюю мякоть выскабливают так, чтобы осталась тонкая оболочка. Затем внутренность плода или корнеплода выстилают проклеенной тонкой бумагой, а пустое пространство набивают проклеенной скомканной бумагой или заливают его гипсом. Плоды кладут в теплое место, но так, чтобы они не выцвели на солнце. Когда обе половинки высохнут, их склеивают. К корнеплодам подклеивают высушенные листья и чучело растения готово. Его можно наклеивать на гербарные листы.

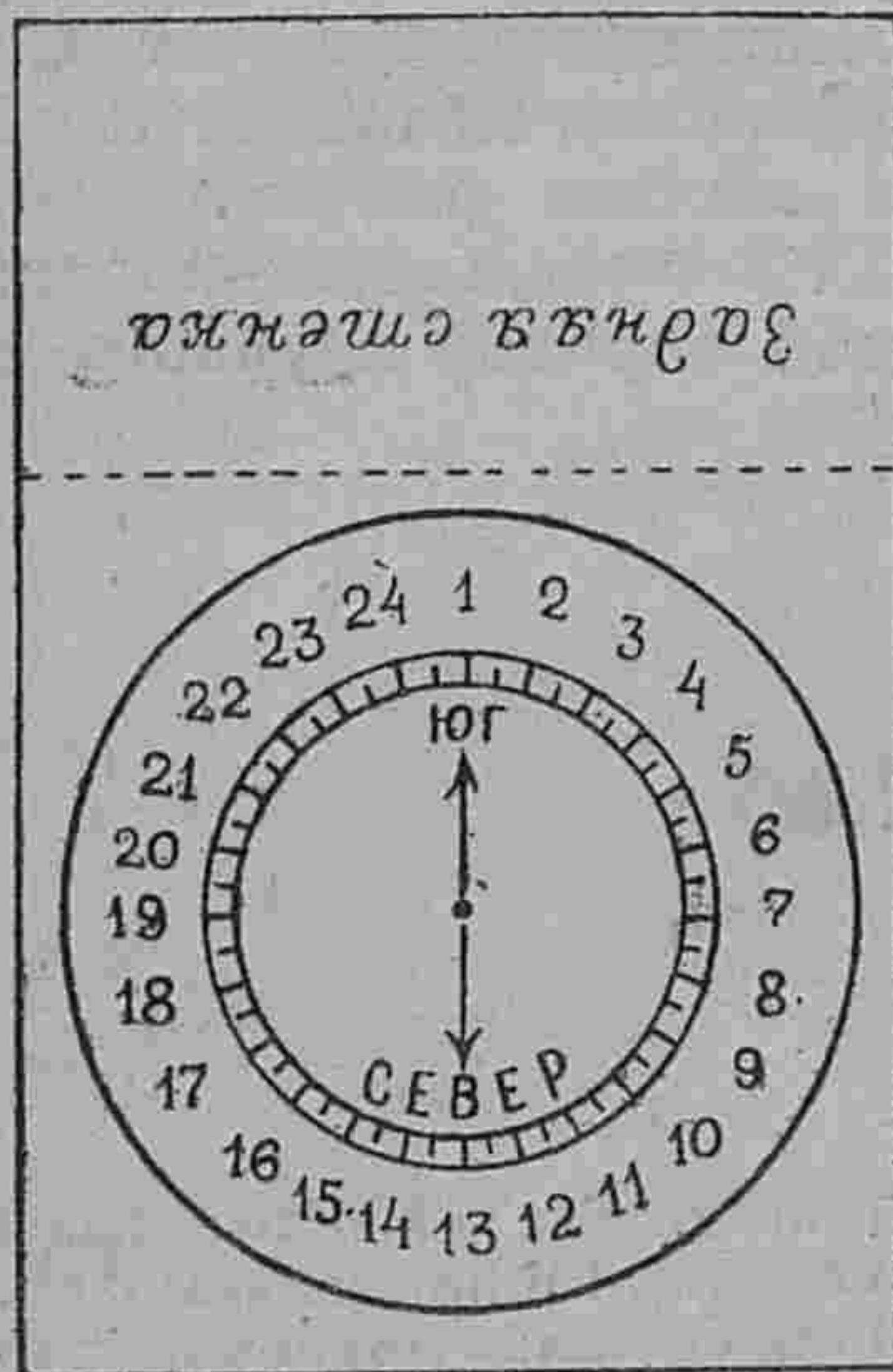
Такие гербарии будут очень полезны в школе на уроках ботаники.

САМОДЕЛЬНЫЕ КАРМАННЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Этот чертеж переведите на плотную бумагу и обрежьте края по сплошным линиям прямоугольника. В центре круга укрепите булавку, иголку или очень тоненькую прямую лучинку (перпендикулярно плоскости циферблата). Карманные солнечные часы-компас — готовы.

Чертеж 1.

направлению самой короткой (полуденной) тени, идущей всегда к северу.

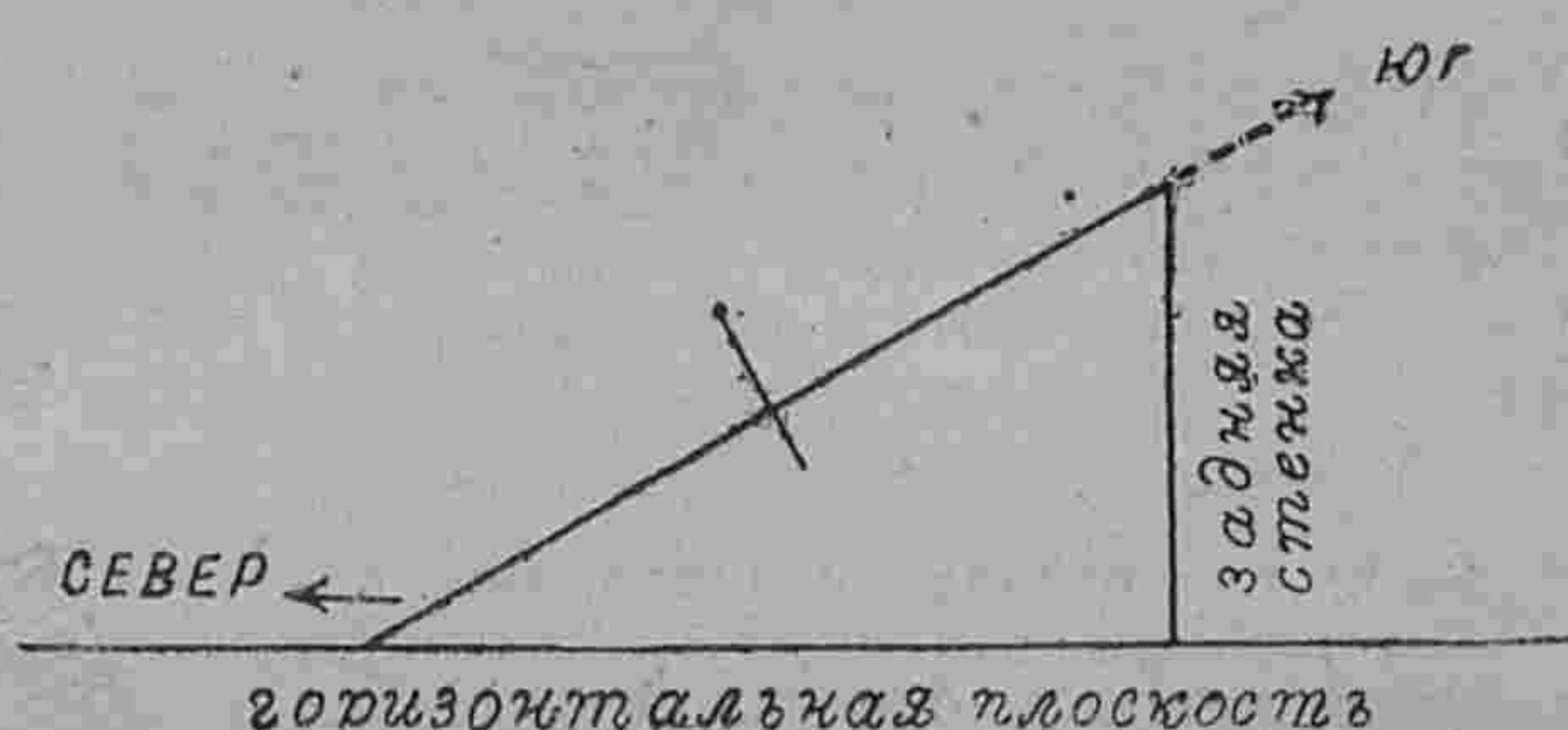
Устанавливая часы на горизонтальную площадку, освещаемую солнцем, необходимо проследить, чтобы задняя стенка опускалась прямо на горизонтальную плоскость, а булавка была бы перпендикулярна к циферблату. Кроме того надо проверить совпадение линии „юг — север“ на часах тем же

направлением на местности. При соблюдении этих условий тень от булавки укажет время с точностью до 5-ти минут (получасовые деления имеются на циферблате, а меньшие промежутки времени легко определить „наглаз“).

При желании эти часы можно сделать и больших размеров, установив их на подставке на открытой солнечной площадке или на северном склоне клумбы. Циферблат должен иметь наклон к горизонтальному основанию (этот угол определяется так: 90° минус широта места, где устанавливаются часы). Если известно время по обычным часам, но вы не знаете, где север, юг, восток и запад на местности, — это можно определить с помощью карманных солнечных часов.

Делается это так:

Чертеж 2.

На горизонтальной площадке установите часы (см. чертеж) в любом направлении. Потом поворачивайте часы до того положения, пока тень от булавки не покажет того времени, которое вам известно. В этом случае линия север — юг на часах и покажет на это же направление в данном месте.

В. Прянишников

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинское знамя. Стих. С. Маршака	1	Планёры — танконосцы	18
Семиклассницы. М. Прилецкая (отрывок из повести). Рис. Н. Петровой	2	Шапка. Рассказ-шутка В. Карбовской	19
Гайдар, угадавший Тимура. Л. Кассиль	6	Мастера разведки. Очерк Н. Владимишиной. Рис. В. Бурдова	20
Шефы. Стих. Я. Тайца. Рис. Н. Петровой	8	Караваевка. Очерк В. Лебедева. Рис. В. Кобелева	22
Встреча на мосту. Вс. Рождественский	8	Твой гербарий. Н. Вершилин	23
Жаркая работа. В. Голицын	9	Самодельные карманные солнечные часы. В. Прянишников	24
Про нашу силу. Стих. С. Михалкова	10	Юные ленинцы. Н. Штейнварг 2-я стр. обложки	
Как бомбят Германию. Очерк А. Антушина. Рис. Н. Полотова	11	Советы натуралиста 3-я стр. обложки	
„Героическая оборона Ленинграда“. Фотоочерк Текст Е. Борониной. Фото Тасс	12	Летние картинки. Текст Н. Дилакторовой. Рис. Н. Муратова. 4-я стр. обложки	
Гремячая башня. Повесть Е. Катерли (продолжение). Рис. Н. Петровой	14		

На обложке рис. Н. Муратова „В освобожденном городе“.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редакторы: Ф. Октябрьская, Н. Теребинская, Л. Успенский, Н. Штейнварг и Г. Яблонская (отв. редактор)

СОВЕТЫ

НАТУРАЛИСТА

Представьте, что летом вы отправились в военизированный поход или уехали далеко на сенонос. Если у вас нет мыла, зубного порошка, щетки, то ваши руки, лицо, одежда загрязняются.

Но никто, никогда не имеет права быть неряшой. Тем более когда мыло и щетка у вас под руками.

Отмыть руки или вывести пятно с одежды можно и в лесу. Возьмите плоды конского каштана (1) или ягоды бузины (2). Это „мыло“ не пенится, но оно хорошо отъедает грязь. А мыльнянка — сапонария (4) даже хорошо мылится. Или можно взять всем известное растение из семейства гвоздичных — хлопушку или „зорьку белую“ — лихнис. Хлопушку (3) вы знаете. Вздутия чашечка цветка хлопушки громко хлопает при надавливании. Наверное вы не раз забавлялись ею. А очищенные корни хлопушки могут заменить мыло. Наверно вы знаете и „зорьку белую“: ее цветы с очень приятным запахом распускаются к ночи и хорошо видны в темноте.

Зубной порошок можно с успехом заменить обыкновенным древесным углем. Взять угольки из костра, растолочь их — и зубной порошок готов. Если в толченый уголь прибавить несколько высушенных и измельченных листьев мяты, то он будет походить на настоящий. А мяту (5) — у нее бледнолиловые цветы, со сросшимися лепестками — вы найдете на сырых лугах и в лесах по берегам рек.

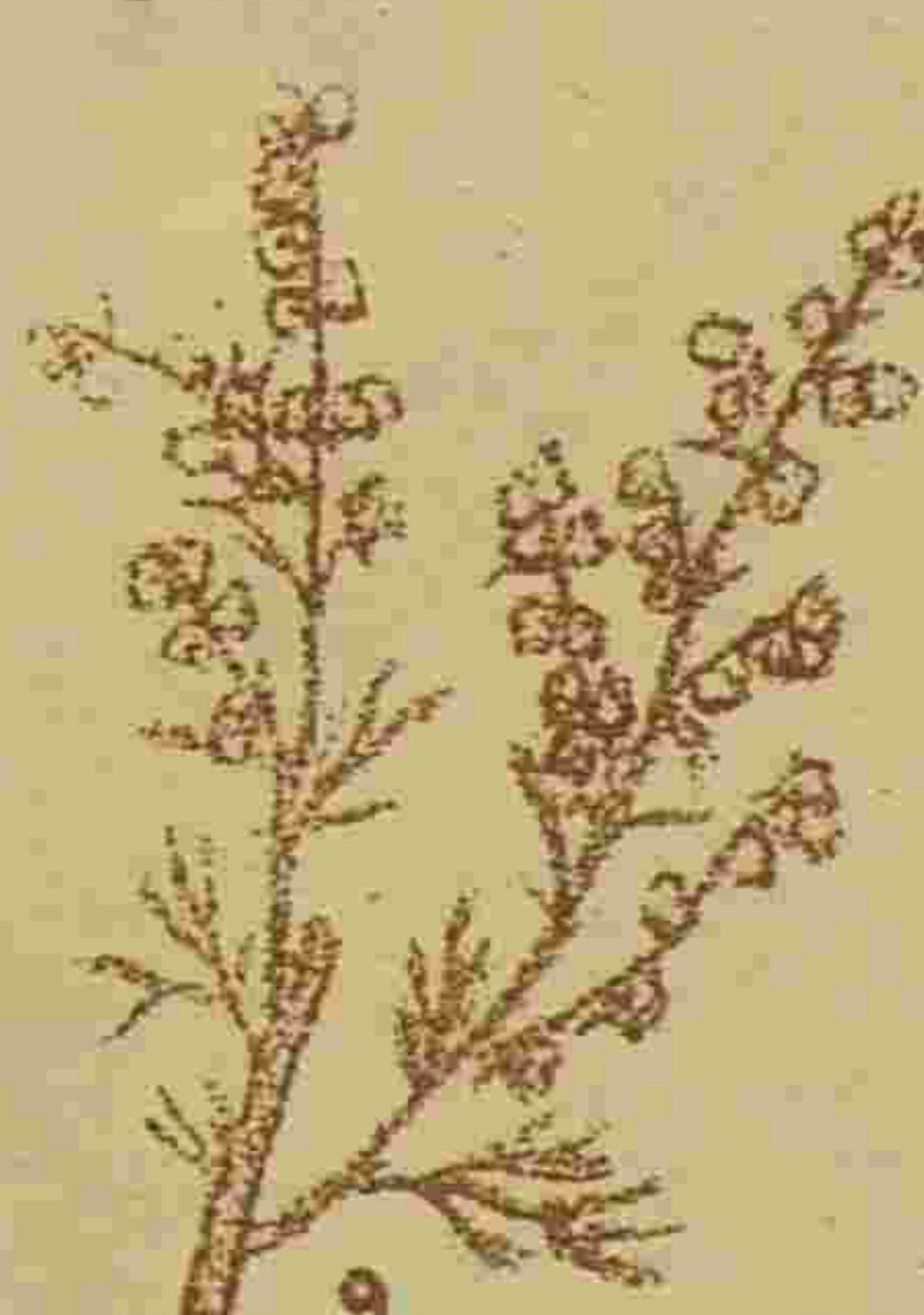
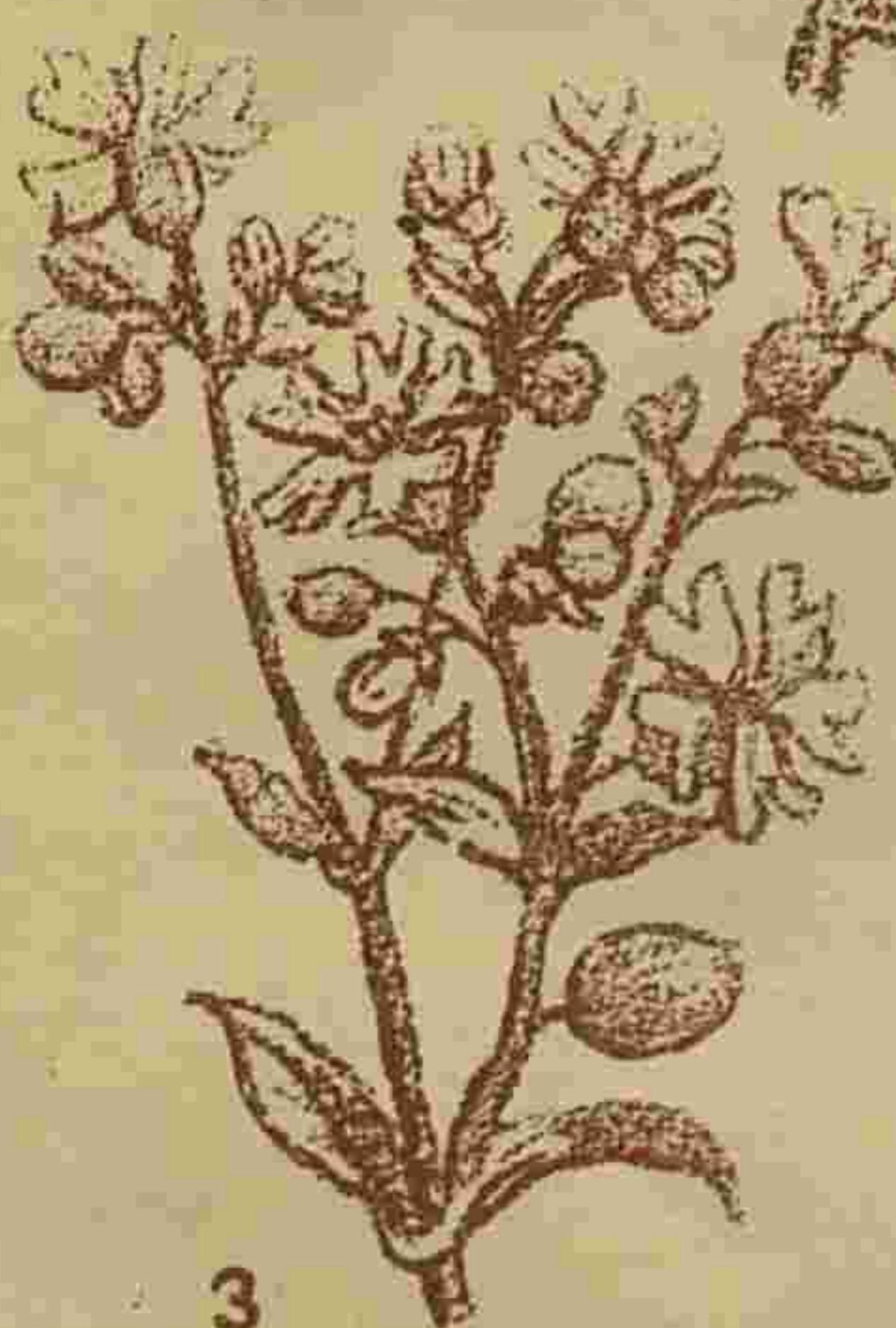
Вам нужна щетка, чтобы почистить платье? Вы можете смастерить ее из вейника (6) или лисохвоста (7). Это растения, похожие на тростник. Вейник растет в песках на берегах рек. Срежьте корневища и корни, очистите их от коры, разрежьте сложите пополам и свяжите обе половинки. Походная щетка готова.

Для изготовления щетки можно воспользоваться любым дёрнистым злаком, который образует плотно скатый пучок стеблей.

Как поступить, если промокли сапоги? Люди неопытные поставят их сушиться у костра. Но кожа около огня покоробится, ссохнется, и сапоги испортятся. Лучше набить сапоги на ночь сеном или семенами дикорастущих злаков. Сухие растения прекрасно вытягивают влагу и сапоги высохнут.

Отогнать комаров и москитов от костра совсем не трудно. Подбросьте в костер цветы ромашки (непахучей) (8). Дым от сгорающей ромашки отгонит москитару, самую назойливую.

Не менее простое средство есть от блох. Соберите полынь (9) — она растет в сухих местах и ее не трудно узнать по шелковистым, войлочным, перисто-рассеченным листьям. Горький полынный запах разгонит и мух и блох. Вы сможете спокойно спать в палатке, в которой набросана полынь.

Цена 4 руб.

ДЕТСКАЯ КАРТИНА

П 29
41

Осиновый ливень.

Смертоносный град

Осколок мин и роющихся гранат...

Гром тучек. Лязг и грохот гусениц...

Такой грозы не ждал поганый фриц!

1944 г.
П. МИЮН 861/16